

A jockey in a white helmet and goggles is riding a brown horse on a racetrack. The horse is in full gallop, and the jockey is leaning forward. The background is a blurred landscape under a cloudy sky. A purple text box with a yellow border is overlaid on the center of the image, containing the text 'Дик Фрэнсис' and 'ФАВОРИТ' in gold letters. There are also some green, glowing, crack-like effects scattered across the image.

Дик Фрэнсис
ФАВОРИТ

Дик Фрэнсис
Фаворит
Серия «Иностранная
литература. Классика детектива»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121488

Дик Фрэнсис Фаворит:
ISBN 978-5-389-20924-4

Аннотация

Дик Фрэнсис (1920–2010) – один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек – Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательного романа 1960-х годов «Фаворит», который стал бестселлером во многих странах мира.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	44
Глава 4	60
Глава 5	74
Глава 6	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Дик Фрэнсис

Фаворит

Dick Francis

DEAD CERT

Copyright © 1962 by Dick Francis

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Самуила Болотина, Татьяны Сикорской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Серия «Иностранная литература. Большие книги»

© С. Б. Болотин, Т. С. Сикорская (наследники), перевод,
2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Глава 1

Я дышал конским потом и сыростью. В ушах стоял топот галопирующих копыт, звяканье подков, изредка ударяющихся друг о друга. Позади меня, вытянувшись в линию, скакала группа всадников, одетых так же, как я, в белые шелковые брюки и двухцветные камзолы, а впереди в тумане, ярко выделяясь своим красно-зеленым костюмом, виднелся только один жокей, поощрявший лошадь перед прыжком через березовый забор, который темнел у него на пути.

В сущности, все складывалось так, как и ожидалось. Билл Дэвидсон в девяносто седьмой раз выигрывал скачку. Его гнедой Адмирал доказывал, что остается лучшей скаковой лошадью в королевстве. А я – что же, мне не привыкать – в течение нескольких минут любовался Биллом и его лошадью, увы, только со спины.

Передо мной напрягся, сжался и взметнулся в воздух могучий гнедой круп: Адмирал взял препятствие без всякого усилия, как, впрочем, и положено поистине великому мастеру. И когда я потянулся за ним, он выиграл у меня еще два корпуса. Мы были на дальнем конце мейденхедского ипподрома, примерно за полмили от финишного столба. У меня не было надежды обогнать Билла.

Февральский туман становился все гуще. Трудно было различить что-нибудь дальше следующего препятствия, и

окружающая нас молчаливая белизна, казалось, замыкала всю вереницу скачущих всадников в каком-то нереальном пространстве между небом и землей. Единственной реальностью была скорость. Финишный столб, толпа людей, трибуны и распорядители были невидимыми за завесой тумана где-то впереди, но на расстоянии, составлявшем почти половину скакового круга, трудно было поверить в их существование.

Я находился в таинственном отрешенном мире, где могло произойти все, что угодно. И произошло.

Мы вошли в последний поворот и готовились взять следующее препятствие. Билл скакал на добрых десять корпусов впереди меня и других жокеев; он не напрягался, он редко это делал.

Служитель, дежуривший у следующего барьера, пересек дорожку с поля на бровку, на ходу провел рукой по верхней березовой жерди и нырнул под канат. Билл оглянулся через плечо, и я увидел, как блеснули у него в улыбке зубы, когда он убедился, что я далеко позади. Потом он снова повернул голову к препятствию и рассчитал расстояние.

Адмирал великолепно взял барьер. Он взмыл над ним, словно доказывая, что летать могут не только птицы.

И упал.

Пораженный, я увидел стремительное мелькание черных ног, колотящих по воздуху, когда лошадь проделала сальто-мортале. Я увидел на мгновение фигуру Билла в его яр-

ком костюме, падающую вниз головой с самой высокой точки траектории, и услышал удар, когда Адмирал рухнул на землю позади него.

Автоматически я отклонился вправо и послал мою лошадь через препятствие. Уже в воздухе, пролетая над барьером, я кинул взгляд на Билла. Он лежал, раскинувшись на земле, вытянув одну руку, глаза его были закрыты. Адмирал упал всей тяжестью на живот Билла и теперь перекатывался взад и вперед в отчаянной попытке встать на ноги.

На какое-то мгновение у меня мелькнула мысль, что под ними было что-то, чего не должно там быть. Но я скакал слишком быстро, чтобы разглядеть, что именно.

Когда моя лошадь миновала препятствие, я почувствовал себя так отвратительно, как если бы сам получил удар в живот. В этом падении была какая-то странность, которая невольно наводила на мысль о преступлении.

Я оглянулся через плечо. Адмиралу удалось наконец подняться, и он скакал легким галопом по ипподрому. Дежурный служитель подошел и наклонился над Биллом, неподвижно лежавшим на земле. Я вновь сосредоточился на скачке. Теперь я был первым и должен был оставаться впереди. По краю скаковой дорожки мне навстречу бежал врач «скорой помощи» в черном костюме с белым шарфом. До этого он стоял у препятствия, к которому я приближался, и теперь спешил на помощь Биллу.

Взяв лошадь в шенкеля, я послал ее через следующие три

препятствия, но это уже не имело для меня никакого значения, и, когда я появился как победитель на виду у переполненных трибун, шум разочарованных возгласов, встретивший меня, показался мне вполне заслуженным приветствием. Я проскакал мимо финишного столба, похлопал лошадь по шее и взглянул на трибуны. Большинство голов было повернуто к самому дальнему препятствию – зрители пытались разглядеть в непроницаемом тумане Адмирала, бесспорного фаворита, который впервые за два года не пришел победителем.

Даже симпатичная женщина, миссис Мервин, на лошади которой я скакал, встретила меня вопросом:

– Что случилось с Адмиралом?

– Он упал, – сказал я.

– До чего удачно! – воскликнула она и засмеялась.

Она взяла свою лошадь под уздцы и повела ее в паддок, где расседывали победителей. Там я спрыгнул с седла и стал отстегивать пряжки подпруги пальцами, дрожащими от пережитого потрясения. Хозяйка похлопывала лошадь по морде и болтала о том, как она рада неожиданному выигрышу, какое счастье, что Адмирал споткнулся, ну просто для разнообразия, хотя, с другой стороны, конечно, его очень жаль. Я кивал, улыбался и не отвечал, потому что, если бы я ответил что-нибудь, это было бы нечто весьма нелюбезное. «Пусть себе радуется своему выигрышу, – подумал я. – Такое бывает не часто, а с Биллом, может быть, ничего и не

случилось».

Я снял седло и, оставив миссис Мервин принимать поздравления, протолкался в весовую. Я уселся на весы, был признан соответствующим норме и, пройдя в раздевалку, положил на скамью свои вещи.

Клем, гардеробщик, присматривавший за моими вещами, подошел ко мне. Это был маленький, очень чистенький и аккуратный старичок с обветренным лицом и руками, на которых жилы выступали, как туго натянутые веревки. Он поднял мое седло и ласково погладил его. Я подумал, что это стало у него привычкой. Он гладил седло, как другой погладил бы щеку красивой девушки, наслаждаясь мягкостью и нежностью кожи.

– Хорошо скакали, сэр, – сказал он, но вид у него был не слишком радостный.

Я не хотел, чтобы меня поздравляли. Я отрывисто проговорил:

– Должен был выиграть Адмирал.

– Он упал? – спросил Клем встревоженно.

– Да, – ответил я.

– Майор Дэвидсон в порядке, сэр? – спросил Клем. Я знал, что он обслуживал и Билла тоже, он считал его чем-то вроде младшего божества.

– Не знаю, – ответил я. Но я знал, что лука седла угодила Биллу прямо в живот всей тяжестью лошади, упавшей на него. «Какие могут быть шансы у бедняги?» – подумал я.

Я накинул меховую куртку и пошел в пункт первой помощи. Жена Билла стояла возле закрытой двери. Бледная, дрожащая, Сцилла изо всех сил старалась не поддаваться отчаянию. Ее маленькую стройную фигуру облегалo пунцовое платье, а на темном облаке кудрей красовалась норковая шапочка. Сцилла была одета для праздника, а не для траура.

– Алан, – проговорила она с облегчением, увидев меня. – Доктора осматривают его и просили меня подождать. Как ты думаешь, ему очень плохо? – Она словно умоляла меня, а мне нечего было ей ответить. Я обнял ее за плечи.

Сцилла спросила, видел ли я, как Билл упал. Я ответил, что Билл ударился головой и, должно быть, получил легкое сотрясение мозга.

Дверь открылась, к нам вышел высокий, стройный, холерный человек. Это был доктор.

– Вы миссис Дэвидсон? – спросил он Сциллу. Она кивнула. – Боюсь, что вашего мужа придется отправить в больницу, – сказал он. – Было бы неразумно отпустить его домой, не сделав рентгеновский снимок.

Он ободряюще улыбнулся, и я почувствовал, что напряжение Сциллы несколько улеглось.

– Можно мне видеть его? – спросила она.

Доктор заколебался.

– Можно, – ответил он наконец, – но ваш муж без сознания. Он слегка ударился. Головой. Так что не следует его беспокоить.

Когда я хотел пройти вслед за Сциллой, доктор остановил меня, положив мне руку на плечо.

– Вы мистер Йорк, верно? – спросил он. За день до этого он давал мне больничный листок, я тогда слегка приложился.

– Да.

– Вы хорошо знаете эту пару?

– Да. Я почти постоянно живу у них.

Доктор в раздумье сжал губы. Потом он сказал:

– Дело плохо. Сотрясение не главное, у него внутреннее кровоизлияние, похоже – разрыв селезенки. Я звонил в больницу, чтобы там все подготовили для операции.

Пока он говорил, пришла «скорая помощь». Машина двинулась на нас задним ходом. Из нее выскочили санитары, открыли дверь, вытащили носилки и бросились в помещение медпункта. Доктор пошел следом за ними. Вскоре они опять появились, с Биллом на носилках. Сцилла шла позади, на лице у нее была глубокая тревога.

Обычно такое решительное, насмешливое, загорелое лицо Билла сейчас было безжизненным, голубовато-белым, покрытым мелкими каплями пота. Он слабо дышал раскрытым ртом, и его руки беспокойно теребили покрывавшее его одеяло. На нем все еще был его яркий жокейский камзол, и это выглядело особенно жутко.

Сцилла сказала мне:

– Я еду вместе с ним. Ты можешь приехать в больницу?

– Мне нужно участвовать еще в последнем заезде, – сказал я, – а сразу после этого я приеду. Не волнуйся, все обойдется. – Но сам я не верил этому. И она не верила тоже.

Когда они уехали, я мимо весовой, через парк вышел на берег реки. Вздувшаяся от растаявшего снега Темза, коричнево-рыжая и серая от гребешков белой пены, вырывалась из тумана в ста ярдах справа от меня, пенилась, огибая излучину, на которой я стоял, и снова исчезала в тумане. Туман и неизвестность ждали ее впереди. В этом мы были с ней похожи.

Потому что в несчастном случае с Биллом было что-то не так.

В Булавайо, где я учился в школе, наш математик тратил много часов – я считал даже, что слишком много, – приучая нас делать правильные выводы из минимума данных. Дедуктивный метод – его хобби – он перенес в свою профессию, и нам иногда удавалось с вопросов алгебры и геометрии свернуть его на дела Шерлока Холмса. Он воспитывал класс за классом, в которых ребята проявляли острую наблюдательность, замечая, как именно снашиваются носки башмаков у поденщиц и как у викариев и какие мозоли характерны для арфистов. При этом школа славилась успехами в математике.

Теперь, отделенный тысячами миль и семью годами от раскаленной солнцем классной комнаты в далеком Булавайо и чувствуя, что замерзаю в английском тумане, я вспомнил о

своим учителем математики и, мысленно перебрал имеющиеся у меня факты, принялся их анализировать.

Дано: Адмирал, великолепный прыгун, упал на полном скаку без всякой видимой причины. Служитель ипподрома, перед тем как мы с Биллом подоспели к препятствию, пересек скаковую дорожку позади забора, но в этом не было ничего необычного. А когда я взял препятствие и, обернувшись, взглянул на Билла, где-то на самой границе моего поля зрения блеснул тусклым, влажным блеском какой-то металлический предмет.

Я долго думал об этом предмете.

Вывод напрашивался совершенно ясный, но невероятный. Я должен был выяснить правильность этого вывода.

Я вернулся в весовую, чтобы взять свои вещи и взвеситься перед последним заездом, но, когда я стал подкладывать в одежду свинцовые пластинки, чтобы привести мой вес к норме, по радио объявили, что ввиду сгустившегося тумана последний заезд отменяется.

В раздевалке поднялась суета. Чай и фруктовые пирожные стали исчезать с молниеносной быстротой. Прошло уже много времени после завтрака, и я, переодеваясь, тоже затолкал в рот пару бутербродов с говядиной. Я договорился с Клемом, чтобы он отправил мой чемоданчик в Пламптон, где мне предстояло скакать через четыре дня, а сам отправился на неприятную прогулку. Мне хотелось взглянуть вблизи на то место, где упал Билл.

От трибун до последнего поворота на мейденхедском ипподроме неблизкий путь, и, пока я шел, мои ботинки, носки и брюки насквозь промокли в высокой сырой траве. Было очень холодно, стоял туман. Вокруг не было ни души.

Я подошел к забору, сделанному из вертикально поставленных березовых кольев. Трехдюймовой толщины у основания, они были в два раза тоньше у вершины, высотой в четыре фута и шесть дюймов, ширина забора – около десяти ярдов. Обычное легкое препятствие.

Я тщательно осмотрел ту сторону забора, где лошади приземлялись. Ничего особенного. Я вернулся туда, откуда они прыгали. Ничего.

Я взглянул под боковой откос барьера, у бровки, туда, где скакал Билл, когда упал. Опять ничего. И только под другим откосом, что дальше от бровки, я увидел то, что искал: в высокой траве, наполовину спрятанное от глаз, покрытое каплями влаги, свернутое, смертоносное.

Проволока.

Порядочный кусок тускло-серебристой проволоки, свернутой в кольцо примерно в фут диаметром, придавленной к земле обрубком дерева. Один конец проволоки тянулся к несущему столбу забора и был закреплен на два фута над препятствием. Закреплен, как я увидел, очень надежно, открутить его голыми пальцами я не смог.

Я вернулся к боковому откосу и осмотрел столб. На два фута выше препятствия в дереве столба был желобок. Этот

столб когда-то побелили, и отметка виднелась отчетливо.

Мне стало ясно, что только один человек мог натянуть проволоку – служитель ипподрома, дежуривший у этого препятствия. Человек, которого я видел, когда он пересекал скаковую дорожку. «Человек, – подумал я с горечью, – которого я оставил, чтобы он помог Биллу».

На трехмильной скачке с препятствиями в Мейденхеде надо проехать два круга. В первый раз у этого препятствия все было в норме, ничего из ряда вон выходящего. Девять лошадей спокойно перепрыгнули через него, причем Билл скакал третьим, сберегая силы для финального броска, а я рядом с ним: я еще сказал ему, до чего мне не нравится английский климат.

А потом был второй круг. Адмирал скакал на несколько корпусов впереди. Как только служитель увидел, что Билл взял предыдущее препятствие, он, должно быть, и пересек дорожку; свободный конец проволоки он держал в руке и, обкрутив его вокруг противоположного столба, туго натянул точно в двух футах над препятствием. На этой высоте хорошо прыгавший Адмирал должен был налететь на проволоку грудью.

Эта чудовищная жестокость наполнила меня гневом, которому суждено было, хотя я тогда этого еще не знал, прищипывать меня не одну неделю.

Порвала ли лошадь проволоку, когда налетела на нее, или просто стащила ее со столба? Этого я не мог сказать. Но по-

скольку я не нашел отдельных кусков, а кольцо проволоки, лежавшее у внешнего столба, было целым, я подумал, что лошадь, падая, стащила за собой вниз ее незакрепленный конец. Ни одна из семи лошадей, скакавших за мной, не упала – так же как и моя лошадь. Все беспрепятственно перепрыгнули через остатки этой западни.

Если только слугитель, дежуривший у препятствия, не сумасшедший – а эту возможность тоже нельзя было исключить, – тут было преднамеренное покушение на определенную лошадь под определенным жокеем. Билл обычно на этом этапе скачки вырывался вперед на несколько корпусов, а его красно-зеленую форму было хорошо видно даже в туманный день.

Встревоженный, я отправился обратно. Смеркалось. Я пробыл у забора дольше, чем планировал, и, когда я подошел к весовой, чтобы рассказать управляющему ипподромом о проволоке, оказалось, что все, кроме сторожа, уже ушли.

Сторож, старый желчный человек, вечно посасывающий больной зуб, сказал, что не знает, где можно найти управляющего. Администратор пять минут назад уехал в город. Куда он поехал и когда вернется, сторож не знал и, ворча, что ему еще надо присмотреть за пятью топками в котельной и что туман вреден для бронхита, волоча ноги, озабоченно направился к темневшей в тумане громаде главных трибун.

В нерешительности я проводил его глазами. Я знал, что должен сказать о проволоке кому-то имеющему власть. Рас-

порядители, присутствовавшие на скачках, были уже на пути домой. Администратор уехал. Секретарь заперся в конторе ипподрома, как я узнал позже. У меня заняло бы много времени найти кого-нибудь из них, убедить их вернуться на ипподром, проехать в темноте по неровному покрытию скаковой дорожки. А после этого начались бы догадки, повторения, показания... Прошло бы много времени, прежде чем я смог бы уйти отсюда.

А в эти минуты Билл боролся за жизнь в мейденхедской больнице, и мне отчаянно нужно было знать, побеждает ли он в этой борьбе. Сцилла не находила себе места от беспокойства, а ведь я обещал ей прийти, как только смогу. Я и так задержался слишком долго. Я подумал: проволока, скрытая туманом, надежно прикрученная к столбу, подождет до утра. А Билл мог и не дожждаться.

«Ягуар» Билла одиноко ждал на стоянке. Я забрался в него, включил фары и выехал на дорогу. У ворот я свернул налево, осторожно проехал две мили, еще раз свернул налево, миновал мост, долго кружил по улицам, так как в Мейденхеде везде одностороннее движение, и наконец нашел больницу.

В ярко освещенном вестибюле Сциллы не было. Я спросил о ней у дежурного.

– Миссис Дэвидсон? У которой муж жокей? Она в комнате для посетителей. Четвертая дверь налево.

Я нашел ее. Ее темные глаза казались огромными из-за

серых теней под ними. Никаких других красок на ее лице не оставалось, и свою легкомысленную шляпку она сняла.

– Ну как он? – спросил я.

– Не знаю. Они твердят мне только, чтобы я не волновалась.

Сцилла была готова расплакаться. Я сел рядом и взял ее за руку.

– С тобой мне спокойнее, Алан, – сказала она.

Дверь отворилась, и вошел молодой белокурый доктор. Стетоскоп болтался у него на шее.

– Миссис Дэвидсон... – Он помялся. – Я полагаю... Вам бы следовало побыть с вашим супругом.

– Как он?

– Плохо. Мы делаем все, что можем.

Повернувшись ко мне, он спросил:

– А вы кто – родственник?

– Друг. Я отвезу миссис Дэвидсон домой.

– Понятно, – сказал он. – Вы подождете или зайдете попозже? – Его осторожный голос, неопределенные слова могли означать только одно. Я взгляделся в его лицо и понял, что Билл умирает.

– Я подожду.

– Хорошо.

Я ждал четыре часа, я детально изучил узоры на портьерах и все щели в линолеуме. Больше всего я думал о проволоке.

Наконец вошла медсестра. Серьезная, молодая, красивая.

– Я очень, очень сожалею. Майор Дэвидсон умер.

Потом она сказала, что миссис Дэвидсон хотела бы, чтобы я вошел и посмотрел на него, и предложила мне следовать за ней.

Медсестра провела меня по длинному коридору в небольшую белую палату, где Сцилла сидела у единственной в комнате кровати. Сцилла только подняла на меня глаза, говорить она не могла.

Билл лежал там, серый, неподвижный, безжизненный Билл. Лучший друг, которого мог бы пожелать себе человек.

Глава 2

На следующий день рано утром я отвез Сциллу, просидевшую над телом всю ночь, обессиленную и накачанную снотворным, домой в Котсуолд. Дети встретили ее на пороге, у них были испуганные лица и округлившиеся глаза. Позади них стояла Джоан, проворная и умелая девушка, которая присматривала за детьми. Я с вечера сообщил ей обо всем по телефону.

Здесь, на ступеньках, Сцилла села и зарыдала. Дети опустились на колени возле нее, стали обнимать и утешать в горе, которое они не могли еще полностью осознать.

Потом Сцилла поднялась в свою спальню. Я задвинул занавески, укрыл ее одеялом и поцеловал в щеку. Она была вконец измучена и немедленно уснула. Я надеялся, что она проснется не скоро.

Я пошел в свою комнату и переоделся. Внизу, в кухне, Джоан приготовила мне кофе, яичницу с беконом и горячие пышки. Я дал детям по плитке шоколада, который купил для них прошлым утром (казалось, оно было бесконечно давно, это утро), и они сидели рядом со мной, грызя шоколад, пока я завтракал. Джоан налила кофе и себе.

– Алан, – начал Уильям, самый младший. Ему было пять лет, и он никогда не продолжал разговор, если ему не отвечали «да» в знак того, что его слушают.

– Да, – сказал я.

– Что случилось с папой?

Я рассказал им. Обо всем, кроме проволоки.

Некоторое время они молчали. Потом Генри, которому как раз сравнялось восемь, спокойно спросил:

– Его похоронят или сожгут?

И прежде чем я успел ответить, он и его старшая сестра Полли принялись горячо и с удивительным знанием дела обсуждать, что лучше – захоронение или кремация. Я пришел в ужас, но в то же время почувствовал облегчение, а Джоан, перехватив мой взгляд, еле сдержалась, чтобы не хмыкнуть.

Эта бессознательная детская черствость занимала мои мысли, пока я возвращался в Мейденхед. Я поставил автомобиль Билла в гараж и вывел оттуда мой маленький темно-синий «лотос». Туман полностью рассеялся, но я все равно двигался очень медленно по сравнению с тем, как езжу обычно, и все обдумывал, что же мне делать.

Сперва я поехал в больницу. Я забрал вещи Билла, подписал какие-то бланки, сделал необходимые распоряжения. Полагающееся по закону вскрытие назначили на следующий день.

Было воскресенье. Я поехал на ипподром, но ворота оказались заперты. Я вернулся в город. Контора ипподрома была пуста и тоже заперта. Я позвонил управляющему домой, но там никто не снимал трубку.

После некоторого колебания я позвонил председателю

Национального комитета конного спорта, решив обратиться в самую высокую инстанцию, которой подведомственны скачки с препятствиями. Дворецкий сэра Кресвелла Стампа ответил, что узнает, может ли сэр Кресвелл уделить мне несколько минут. Я сказал, что это чрезвычайно важное дело. Тогда сэр Кресвелл взял трубку.

– Надеюсь, дело действительно очень важное, мистер Йорк, – сказал он. – Вы оторвали меня от обеда с друзьями.

– Вы слышали, сэр, что майор Дэвидсон умер вчера вечером?

– Да, я очень этим огорчен, право, очень огорчен. – Он ждал, что я скажу дальше.

Я набрал в грудь побольше воздуха.

– Его падение – вовсе не несчастный случай, – сказал я.

– Что это значит?

– Лошадь майора Дэвидсона была сбита. Проволокой, – сказал я.

Я рассказал ему о своих поисках у забора и о том, что я нашел там.

– Вы известили об этом мистера Дэйса? – спросил Кресвелл.

Дэйс был управляющим ипподромом.

Я объяснил, что не мог его найти.

– И звоните мне? Понятно. – Он помолчал. – Ну что ж, мистер Йорк, если вы правы, это слишком серьезное дело, чтобы им занимался только Национальный комитет конного

спорта. Я полагаю, вам следует немедленно известить полицию в Мейденхеде. И непременно держите меня в курсе дела. До вечера. Я попытаюсь связаться с мистером Дэйсом.

Я повесил трубку. Я понял, что ответственность переложена на чужие плечи. Я представлял себе, как стынет на тарелке у сэра Кресвелла соус к его ростбифу, пока он заставляет гудеть телефонные провода.

Полицейский участок на пустой воскресной улице выглядел темным, пыльным и неприятным. Я вошел. За барьером стояли три стола, за одним из них молодой констебль уткнулся в воскресное приложение к какой-то газете. «Должно быть, детективом зачитался», – подумал я.

– Чем могу быть полезен, сэр? – спросил он, поднимаясь.

– Есть тут еще кто-нибудь? – спросил я. – То есть я хотел сказать, старший чином. Речь идет об убийстве.

– Одну минуту, сэр. – Он исчез за дверью в глубине комнаты и, тут же вернувшись, сказал: – Пройдите сюда, пожалуйста.

Он посторонился, пропуская меня, и закрыл за мной дверь.

Человек, поднявшийся мне навстречу, был, пожалуй, маловат для полицейского. Коренастый крепыш, лет под сорок. У него были темные волосы. Он выглядел скорее воином, чем мыслителем, но, как я впоследствии убедился, это было поверхностное впечатление. На его столе были разбросаны газеты и толстые юридические справочники. В кабине-

те стояла духота от газовой горелки, пепельница была полна окурков. Он тоже проводил воскресенье за чтением, правда – с пользой для дела.

– Добрый день. Я инспектор Лодж, – сказал он, показывая на стул напротив письменного стола. Он тоже сел и принялся складывать газеты в аккуратные стопки. – Вы пришли по поводу убийства? – Мои слова, когда он повторил их, прозвучали очень глупо, но он говорил весьма деловым тоном.

– Речь идет о майоре Дэвидсоне, – начал я.

– Да, у нас есть рапорт об этом. Он умер в госпитале ночью после падения на скачках.

– Это падение было подстроено, – выпалил я.

Инспектор Лодж посмотрел на меня внимательным взглядом, потом достал из ящика лист бумаги, отвинтил колпачок «вечной» ручки и написал дату и время. Аккуратный человек.

– Я думаю, надо вернуться к началу, – проговорил он. – Ваше имя?

– Алан Йорк.

– Возраст?

– Двадцать четыре года.

– Адрес?

Я назвал адрес, сказал, чья это квартира, и объяснил, что живу в основном там.

– А ваше настоящее местожительство?

– Южная Родезия, – ответил я. – Скотоводческая ферма

близ деревни под названием Индума, около пятнадцати миль от Булавайо.

– Род занятий?

– Представляю отца в его лондонской конторе.

– А чем занимается ваш отец?

– Собственное дело. Торговая компания «Бэйли Йорк».

– Чем вы торгуете? – поинтересовался Лодж.

– Медь, свинец, скот. Чем попало и всем на свете. Вообще-то, мы транспортная фирма.

Он записал все это быстрым четким почерком.

– Ну а теперь, – сказал он, положив перо, – выкладывайте, в чем дело.

– В чем дело, я не знаю, а произошло вот что...

Я выложил ему все, что знал. Он слушал не перебивая, потом спросил:

– Что же вас заставило думать, что это не обычное падение?

– Адмирал – самый умелый прыгун на свете. У него ноги гибкие, как кошачьи лапы. Он не делает ошибок в прыжке.

По вежливо-удивленному выражению лица инспектора я понял, что он очень мало знает, если вообще знает что-нибудь, о скачках с препятствиями и, наверное, думает, что упасть может любая лошадь.

Я попытался еще раз убедить его:

– Адмирал блестяще берет препятствия. Он ни за что не упал бы вот так, этот забор – пустяк для него, он сам рас-

считывал темп, его никто не подгонял. Он отлично поднялся в воздух, я сам видел. Его падение было неестественным. Для меня оно выглядело так, словно что-то было подстроено, чтобы свалить его. Я подумал, что это может быть проволока. И я вернулся, чтобы найти ее, и я ее нашел. Вот и все.

– Гм. А эта лошадь должна была выиграть заезд?

– Безусловно.

– А кто выиграл на самом деле?

– Я.

Лодж помолчал, покусывая кончик своей авторучки.

– Как принимают на работу служащих на скачках? Есть определенный порядок? – спросил он.

– Точно не знаю. Это народ случайный, их, кажется, берут на один раз, – ответил я.

– А с какой целью такой человек стал бы вредить майору Дэвидсону? – спросил он с наивным видом.

Я пристально посмотрел на него.

– Что же, вы думаете, я все это сочинил? – спросил я.

– Да нет. – Он вздохнул. – Этого я, честное слово, не думаю. Вероятно, следовало бы поставить вопрос так: трудно было бы кому-то, кто хотел повредить майору Дэвидсону, получить работу служащего на скачках?

– Легче легкого, – ответил я.

– Мы должны будем это выяснить. – Он задумался. – Это очень удобный способ убить человека.

– Тот, кто это устроил, не собирался убивать его, – произ-

нес я решительно.

– Почему нет?

– Потому что меньше всего было шансов за то, что майор Дэвидсон разобьется насмерть. Я бы сказал, что это задумывалось для того, чтобы он не смог выиграть скачку.

– При таком падении – и мало шансов разбиться? А мне казалось, что это очень опасно, – сказал Лодж.

Я ответил:

– Те, кто это подстроил, хотели выбить его из седла, как мне кажется. Обычно, если ваша лошадь скачет быстро и сильно задевает барьер, когда вы этого не ждете, вас выбрасывает из седла. Вы летите по воздуху и приземляетесь далеко впереди от того места, куда падает лошадь. Это может закончиться для вас серьезной травмой, да, но редко приводит к смерти. Билл Дэвидсон не полетел вперед. Может быть, он застрял в стремях носком сапога, хотя и это маловероятно. Может быть, он тоже зацепился за проволоку и она задержала его. Он упал отвесно вниз, и его лошадь грохнулась прямо на него. Но даже тогда это чистая случайность, что лука седла угодила ему прямо в живот. Такое нарочно не подстроишь.

– Понимаю. Вы, кажется, много размышляли на этот счет.

– Да. – По ассоциации мне пришли на память узоры на портъерах и на коричневом линолеуме в больничной комнате для ожидания.

– А вы не думали, кому могло быть выгодно повредить

майору Дэвидсону? – спросил Лодж.

– Нет, – ответил я, – его все любили.

Лодж встал и потянулся.

– Пойдемте посмотрим на вашу проволоку, – сказал он и высунул голову в приемную. – Райт, поищите Гокинса и скажите, что мне нужна машина, если она на месте.

Машина была на месте. Гокинс (так я подумал) сидел за рулем, я опустился на заднее сиденье рядом с Лоджем. Вскоре мы уже были на месте. Главные ворота ипподрома были все еще заперты, но, как я убедился, имелись и другие способы проникнуть за ограду. Полицейский ключ открыл неприметные ворота в деревянном заборе.

– Это на случай пожара, – пояснил Лодж, перехватив мой удивленный взгляд.

В конторе ипподрома было пусто, администратор отсутствовал. Гокинс поехал через круг поперек ипподрома к самому дальнему препятствию. Нас здорово трясло на неровной почве. Гокинс подкатил вплотную к откосу барьера у бровки, и мы с Лоджем вылезли из машины.

Я пошел вдоль барьера к противоположному откосу.

– Проволока там, – сказал я.

Но я ошибся.

Был столб, был откос, была высокая трава, был барьер из березовых кольев. Но не было мотка проволоки.

– Вы уверены, что это то самое препятствие? – спросил Лодж.

– Уверен, – ответил я.

Мы стояли, глядя на пространство круга, лежавшее перед нами. Мы были на самом дальнем конце ипподрома, и трибуны на этом расстоянии казались неясной громадой. Барьер, у которого мы остановились, был единственным на короткой прямой между двумя изгибами скаковой дорожки, и ближайшее к нам препятствие находилось в трехстах ярдах слева за отлогой дугой.

– Вы берете вон то препятствие, – пояснил я, указывая налево, – потом перед вами длинный пробег вот до этого. – Я похлопал по барьеру рядом с нами. – Потом, когда вы перескочили это препятствие, через двадцать ярдов крутой поворот перед новой прямой. Следующее препятствие расположено на этой прямой несколько дальше, чтобы перед прыжком дать возможность лошади восстановить равновесие после крутого поворота. Это хороший ипподром.

– А вы не могли ошибиться в тумане?

– Нет. Это тот самый барьер.

Лодж сказал:

– Ладно. Посмотрим поближе.

Однако все, что мы увидели, – это неглубокий желобок на когда-то побеленном внутреннем столбе и более глубокий – на наружном столбе, где проволока впивалась в дерево. К обоим желобкам нужно было присмотреться, иначе их можно было не заметить. Оба находились на одной высоте – шесть футов и шесть дюймов над землей.

– Право, это очень неубедительно, – сказал Лодж.

Мы возвратились в Мейденхед в молчании. Я был расстроен, чувствуя, что свалил дурака. Теперь я понял, что после того, как нашел проволоку, должен был взять туда с собой кого-нибудь – кого угодно, хотя бы сторожа. Человек, видевший – пусть в темноте и в тумане, – что проволока прикреплена к барьеру, если бы даже он не мог показать под присягой, на каком именно барьере он ее видел, это было бы все-таки лучше, чем полное отсутствие свидетелей. Я попытался утешить себя мыслью, что злоумышленник мог вернуться к барьеру с кусачками в то время, как я шел к трибунам, и я все равно запоздал бы со своими свидетелями.

Из мейденхедского полицейского участка я позвонил сэру Кресвеллу Стампу. На этот раз я оторвал его, как мне было сказано, от поджаренных сдобных булочек. Новость, что проволока исчезла, ему тоже не понравилась.

– Вы должны были сразу захватить какого-нибудь свидетеля. Сфотографировать проволоку. Сохранить ее. Мы не можем начинать дело, не имея доказательств. И потом, как это у вас не хватило здравого смысла действовать побыстрее? Вы очень безответственны, мистер Йорк. – И, добавив еще несколько любезностей, он повесил трубку.

Подавленный, я возвратился домой.

Я осторожно заглянул в комнату Сциллы. Там было темно, и я слышал ее ровное дыхание. Она все еще крепко спала. Внизу на ковре у камина Джоан играла с детьми в покер.

Я научил их покеру как-то в дождливый день, когда ребятам надоело играть в снап и рамми и они ссорились и капризничали. Покер, таинственная игра ковбоев из кинобоевиков о Диком Западе, сделал чудо. Через пару недель Генри превратился в такого мастера, с которым сядешь играть во второй раз, только хорошо подумав. Его острый как бритва математически точный ум фиксировал малейшие подробности рубашки каждой карты: у него была невероятная зрительная память. А когда он принимал слегка удивленный вид, рассчитывая ввести партнера в заблуждение, многие ничего не подозревающие взрослые попадались в ловушку. Я восхищался Генри. Он мог одурачить и ангела.

Полли играла достаточно хорошо, и я был уверен, что в обычной компании она не будет постоянно проигрывать. Даже маленький Уильям мог отличить флеш от фулла.

Они играли уже давно, и гора фишек перед Генри была втрое больше, чем у остальных.

Полли сказала:

– Генри выиграл все фишки, и нам пришлось их опять поделить и начать игру сначала.

Генри усмехнулся. Карты были для него открытой книгой, и он умел читать ее.

Я взял у Генри десять фишек и сел играть с ними. Джоан сдавала. Она дала мне пару пятерок, и я вытащил еще одну. Генри сбросил две карты и взял две другие, вид у него был довольный. Остальные сбросили все карты. Тогда я смело

присоединил еще две фишки к двум, которые уже лежали на столе.

– Поднимаю на две фишки, – сказал я.

Генри взглянул на меня, убедился, что я серьезен, и стал отчаянно притворяться, будто он в нерешительности, вздыхал и барабанил пальцами по столу. Зная его манеру блефовать, я понял, что у него на руках блестящая комбинация и он изобретает, как бы вытянуть из меня побольше.

– Еще на одну, – сказал он.

Я собирался было добавить еще две фишки, но вовремя остановился.

– Нет, Генри, ничего у тебя не выйдет на этот раз! – Я сбросил карты и подвинул к нему выигранные им четыре фишки. – На этот раз ты получишь только четыре, и ни одной больше!

– А что у тебя было, Алан? – спросила Полли и, перевернув мои карты, увидела три пятерки.

Генри усмехнулся. Он даже не пытался помешать Полли посмотреть его карты. У него была пара королей. Всего-навсего пара!

– На этот раз я тебя поймал, Алан, – сказал он, очень довольный.

Уильям и Полли застонали.

Мы продолжали играть, пока я не восстановил свою репутацию и не отыграл у Генри солидное количество фишек. Потом пришло время детям ложиться спать, и я пошел к

Сцилле.

Она проснулась и лежала в темноте.

– Входи, Алан.

Я вошел и зажег лампу у ее кровати. Первый шок у нее прошел, она выглядела спокойной и смирившейся с неизбежным.

– Хочешь есть? – спросил я. Она ничего не ела со вчерашнего обеда.

– А ты знаешь, Алан, хочу, – сказала она, словно удивляясь сама себе.

Я сошел вниз, помог Джоан приготовить ужин и отнес его Сцилле. Мы ели, и она, опираясь на подушки, одна в большой постели, стала рассказывать об их первой встрече с Биллом, о том, как они проводили время, сколько было веселья. Ее глаза сияли от счастливых воспоминаний. Она говорила долго, все время только о нем. Я не останавливал ее до тех пор, пока у нее не стали подрагивать губы. Тогда я рассказал о Генри, о его паре королей. Она улыбнулась и немного успокоилась.

Мне очень хотелось спросить ее, не было ли у Билла в последние недели неприятностей, не угрожал ли ему кто-нибудь, но я подумал, что сейчас не время для расспросов. Я заставил ее принять еще одну таблетку снотворного, которое мне дали для нее в больнице, погасил свет и пожелал ей спокойной ночи.

Я раздевался у себя в комнате и чувствовал, что засыпаю

на ходу, усталость валила меня с ног. Я не спал больше сорока часов, и немногие из них можно было назвать спокойными. Я нырнул в постель. Это был один из тех моментов, когда окунаешься в сон, как в непередаваемое наслаждение.

Спустя полчаса Джоан разбудила меня. Она была в халате.

– Проснитесь, ради бога! Я целый час стучусь к вам!

– Что случилось?

– Вас просят к телефону. По личному делу.

– Ох нет, – простонал я. Мне казалось, что меня разбудили среди ночи. Я взглянул на часы – было одиннадцать.

Спотыкаясь, я пошел вниз, не в силах заставить себя проснуться.

– Слушаю.

– Мистер Алан Йорк?

– Да.

– Не вешайте трубку. – Что-то щелкнуло в телефоне. Я зевнул. – Мистер Йорк? У меня для вас сообщение от инспектора Лоджа из мейденхедского полицейского участка. Он хотел бы, чтобы вы зашли к нему завтра днем, в четыре часа.

– Приду, – сказал я и, повесив трубку, пошел к себе. Спать, спать, спать.

Лодж ждал меня. Он встал, пожал мне руку, указал на стул. Я сел. Теперь у него на столе не было бумаг, за исключением небольшой, в четверть листа, папки, лежавшей пря-

мо перед ним. За маленьким столом в углу, у меня за спиной, сидел констебль в форме. Он раскрыл тетрадь, взял в руки перо, готовый стенографировать.

– У меня тут кое-какие показания, – Лодж постучал по своей папке, – о которых я хочу вам рассказать. А потом я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Он раскрыл папку и вынул из нее два скрепленных вместе листа.

– Здесь показания мистера Д. Л. Дэйса, управляющего конторой ипподрома в Мейденхеде. Он сообщает, что из числа служащих ипподрома, дежуривших возле препятствий на случай необходимости в этих скачках, девять человек числятся на постоянной работе, а троих наняли специально на этот день. – Лодж отложил лист и взял следующий. – А это показания Джорджа Уоткинса, постоянного служащего на ипподроме. Он говорит, что они тянули жребий, кому какое препятствие обслуживать. У некоторых препятствий стоят по двое. В пятницу тянули жребий, как обычно. Но в субботу один из новых служащих выразил желание дежурить у самого дальнего барьера. Уоткинс говорит, что у них никто не любит это препятствие, потому что от него приходится бежать через весь круг, если хочешь сам сделать ставку между скачками. Поэтому все охотно согласилось на предложение новичка. На остальные препятствия тянули жребий.

– Как он выглядит, этот служащий? – спросил я.

– Так вы же его видели, – сказал Лодж.

– Я не разглядел его. Видел только, что это мужчина. Если бы я знал, что это будет настолько важно! У каждого препятствия стоит человек, я бы не отличил одного от другого.

– Уоткинс говорит, что он узнал бы этого человека, но описать его он не берется. Говорит, обыкновенный человек. Среднего роста, средних лет. Носит кепку, старый серый костюм и свободный макинтош.

– Это не приметы, – проронил я угрюмо.

Лодж продолжал:

– Он сказал, что его зовут Томас Кук, что сейчас он без работы, но на следующей неделе получает место, а пока перебивается случайными заработками. Очень приятный человек, без всяких странностей, как утверждает Уоткинс. Разговаривает как лондонец, без беркширского акцента.

Лодж отложил бумагу и взял следующую.

– Это заявление Джона Рассела, служащего пункта первой помощи. Он показывает, что стоял у первого препятствия на прямой, наблюдая за тем, как лошади огибают дальнюю часть ипподрома. Он говорит, что из-за тумана ему видны были только три препятствия – то, у которого он стоял, следующее на прямой и то, у которого упал майор Дэвидсон. Предыдущее препятствие, как раз напротив него на дальней стороне ипподрома, представлялось ему неясным пятном. Он видел, как майор Дэвидсон вырвался из тумана, после того как взял предыдущее препятствие, и как он упал на следующем. Майора Дэвидсона он больше не видел, хотя

лошадь его поднялась и поскакала галопом без наездника. Рассел пошел к препятствию, у которого упал майор Дэвидсон. Потом, когда вы проскакали мимо – он заметил, что вы оглядывались, – он побежал. Он нашел майора Дэвидсона лежащим на земле.

– Видел он проволоку? – спросил я поспешно.

– Нет. Я попробовал выяснить, не заметил ли он чего-нибудь необычного, не упоминая специально о проволоке. Он сказал, что ничего.

– Не видел ли он, пока бежал, как служитель сматывает проволоку?

– Я спросил его, видел ли он майора Дэвидсона или служителя, пока бежал к ним. Он сказал, что из-за крутого поворота и откоса барьера он ничего не видел, пока не приблизился вплотную. Я думаю, он бежал кругом, вдоль скаковой дорожки, вместо того чтобы срезать угол – там высокая и мокрая трава, а вдоль дорожки бежать легче.

– Понимаю, – произнес я подавленно. – А что делал служитель, когда подбежал Рассел?

– Стоял возле майора Дэвидсона и смотрел на него. Рассел говорит, что у служителя был испуганный вид. Это удивило Рассела, потому что, хотя майор Дэвидсон был оглушен, ему не показалось, что тот тяжело ранен. Он помахал белым флагом, это увидел ближайший санитар «скорой помощи» и сделал отмашку следующему – таким способом они в тумане извещают, что нужна помощь.

– А что делал в это время служитель? – повторил я.

– Ничего. Майора Дэвидсона увезли, а служитель остался у препятствия, пока не объявили об отмене последней скачки.

Я спросил, хватаясь за соломинку:

– А за деньгами он пришел вместе с другими служителями?

Лодж посмотрел на меня с интересом.

– Нет, – ответил он, – его не было с остальными.

Инспектор вынул другую бумагу.

– Здесь показания Питера Смита, старшего конюха в конюшнях Грегори – там тренировали Адмирала. Он говорит, что здесь, в Мейденхеде, Адмирал однажды вырвался и пытался перескочить через колючую живую изгородь, но застрял в ней. У него остались шрамы на груди, на плечах и на передних ногах. – Он поднял на меня глаза. – Если даже проволока оставила на нем какую-нибудь отметину, ее невозможно будет отличить от остальных.

– Вы на высоте, – сказал я. – Времени даром не теряли.

– Да. Нам повезло хотя бы в том, что удалось сразу найти всех, кого нужно.

Оставалась только одна бумага. Лодж взял ее и очень медленно произнес:

– Это акт о вскрытии тела майора Дэвидсона. Смерть наступила от многочисленных внутренних повреждений. Были повреждены печень и селезенка.

Он откинулся на стуле и поглядел на свои руки.

– А теперь, мистер Йорк, я вынужден задать вам несколько вопросов, которые, – его темные глаза неожиданно встретились с моими глазами, – которые могут показаться вам неприятными. – Он дружелюбно улыбнулся мне, так, чуть заметной улыбкой.

– Прошу вас, – сказал я.

– Вы влюблены в миссис Дэвидсон?

Я выпрямился, пораженный.

– Нет, – ответил я.

– Но вы живете у нее?

– Я живу у них в семье, – уточнил я.

– Почему?

– У меня нет своего дома в Англии. Когда я познакомился с Биллом Дэвидсоном, он как-то пригласил меня провести у него уик-энд. Мне у них очень понравилось, и, по-моему, я им тоже понравился. Во всяком случае, они меня стали часто приглашать к себе, пока наконец Билл и Сцилла не предложили: пусть их дом будет моей штаб-квартирой. Я каждую неделю провожу вечер-другой в Лондоне.

– Давно вы живете у Дэвидсонов?

– Около семи месяцев.

– Ваши отношения с майором Дэвидсоном были дружескими?

– Да, очень.

– А с миссис Дэвидсон?

– Да.

– Но вы не влюблены в нее? – повторил Лодж.

– Я чрезвычайно привязан к ней. Как к старшей сестре. –

Я изо всех сил подавлял свой гнев. – Она старше меня на десять лет.

Лицо Лоджа вполне отчетливо говорило, что возраст тут роли не играет. Я был уверен, что констебль в углу записывает каждое мое слово.

Я взял себя в руки и спокойно сказал:

– Она была безумно влюблена в своего мужа, а он в нее.

У Лоджа искривились уголки рта. Он казался удивленным. Затем он зашел с другой стороны.

– Насколько я понимаю, – сказал он, – майор Дэвидсон был лучшим жокеем-любителем страны в скачках с препятствиями?

– Да.

– А вы год тому назад оказались вторым после первого же вашего скакового сезона в Англии?

Я уставился на него.

– Для человека, который двадцать четыре часа назад вряд ли вообще знал о существовании скачек с препятствиями, вы явно делаете успехи.

– Вы были вторым после майора Дэвидсона в списке жокеев-любителей за последний год? И вы, вероятно, так и оставались бы вторым. А теперь, когда майора Дэвидсона не стало, вы, очевидно, будете возглавлять этот список?

– Да, то есть надеюсь, – согласился я. Обвинение было совершенно откровенным, но я не собирался без прямого повода кричать о своей невиновности. Я ждал. Если это намек, что я собирался искалечить или убить Билла, чтобы завладеть его женой, или призовым местом на скачках, или тем и другим, то пусть Лодж первым раскроет рот.

Но он этого не сделал. Прошла целая минута. Я сидел молча.

Лодж усмехнулся:

– Ну, тогда все, мистер Йорк. Сведения, которые вы нам дали вчера, и ваши сегодняшние ответы будут напечатаны вместе, и я буду признателен, если вы их прочтете и подпишете.

Полисмен с тетрадью встал и вышел в другую комнату.

Лодж сказал:

– Допрос у следователя в четверг. Вы понадобятся как свидетель, а миссис Дэвидсон – для опознания трупа. Мы ей сообщим.

Он стал задавать мне вопросы по поводу скачек с препятствиями, те самые вопросы, которые задают в обычных разговорах, а тем временем мои показания были отпечатаны. Я внимательно прочел и подписал их. Все было записано аккуратно и совершенно точно. Я представил себе, как эти странички будут подшиты к другим показаниям в чистеньком скоросшивателе Лоджа. Каким толстым станет этот скоросшиватель, пока Лодж отыщет убийцу Билла Дэвидсона!

Если отыщет когда-нибудь.

Он встал и протянул мне руку, я пожал ее. Он мне нравился. Я хотел бы знать, кто заставил его выяснять, не я ли организовал убийство, о котором сам же сообщил.

Глава 3

Через два дня я скакал в Пламптоне.

Полиция вела следствие очень скрытно, и сэр Кресвелл также не распространялся об этом деле, так что у весов никто из жокеев не строил догадок по поводу смерти Билла Дэвидсона. Не было никаких слухов или сплетен.

Я погрузился в обычную суету скакового дня с мелкими столкновениями среди жокеев, переодевавшихся в тесной комнате, с грубыми шутками, с хохотом, с толпой мерзнувших полуодетых людей, окруживших раскаленную докрасна печурку с пылающими углями. Клем дал мне брюки, кальсоны, желтую нижнюю сорочку, свежий воротничок и нейлоновые чулки. Я разделся и надел все, что полагается для скачки. На нейлоновые чулки (как всегда, со спущенными петлями) легко скользнули мягкие, плотно обтягивающие ногу скаковые сапоги. Потом Клем вручил мне мои скаковые «цвета» – толстый шерстяной камзол в кремовую и кофейную клетку и коричневую сатиновую шапочку. Он завязал мне галстук. Я надел камзол, а шапочку натянул на шлем.

Клем спросил:

– Сегодня у вас будет только один заезд, сэр?

Он вытащил два толстых резиновых кольца из глубокого кармана своего фартука и надел их мне на запястья. Это делается, чтобы ветер не задирает рукава камзола.

– Да, – ответил я, – насколько мне известно. – Я всегда надеялся на лучшее.

– Может, одолжить седло полегче? Похоже, вы перебрали с весом.

– Нет, – сказал я. – Я хотел бы сидеть в собственном седле. Я сначала пойду с ним на весы и посмотрю, сколько у меня лишнего.

– Как вам угодно, сэръ.

Я пошел в весовую с Клемом, захватив свое шестифунтовое скаковое седло с привязанными к нему подпругой и кожаными стременами. Общий вес вместе со шлемом, болтающимся где-то у меня на затылке, оказался десять стонов¹ и шесть фунтов, что было, по мнению судей, на четыре фунта больше, чем полагалось для моей лошади.

Клем взял седло, а я положил на скамейку мой шлем.

– Кажется, у меня лишний вес, Клем, – сказал я.

– Верно. – И он побежал обслужить кого-то еще.

Я, конечно, мог сбросить лишнее, взяв седло веса почтовой марки и переодевшись в шелковый свитер и «бумажные» сапоги. Но я скакал на своей собственной лошади и старался для себя самого, а моя лошадь была костлявая, и я мог натереть ей ребра слишком маленьким седлом.

Безнадежный – гнедой мерин-пятилетка – был моим новым приобретением. Через год-другой из него, судя по всему, мог получиться отличный стиплер, а пока я брал его на

¹ Один стон равен 6,35 кг. – Здесь и далее примеч. переводчиков.

скачки с препятствиями для новичков, чтобы он мог приобрести опыт, в котором отчаянно нуждался. Его ненадежность как прыгуна заставила Сциллу накануне вечером упрашивать меня, чтобы я не скакал на нем на пламптонском ипподроме, где неосторожных подстерегает множество ловушек.

Сцилла попробовала обойтись без снотворного, и в невыносимом напряжении она то сердилась, то принималась умолять меня:

– Не надо, Алан! Не нужна тебе эта скачка для новичков в Пламптоне. Ты сам знаешь, твой проклятый Безнадежный действительно ненадежен! Тебя же никто не заставляет, ну зачем ты это делаешь?

– Просто мне это нравится.

– Нет на свете лошади, которой до такой степени подходило бы ее имя! – проговорила она печально.

– Научится, – сказал я, – конечно, если я дам ему возможность учиться.

– Пусть скачет кто-нибудь другой, прошу тебя!

– Какой смысл держать лошадь, если на ней станет ездить кто-то другой? Я же для того и приехал в Англию, чтобы участвовать в скачках.

– Ты убьешься. Так же как Билл. – И она стала плакать, беспомощная и обессиленная.

– Не убьюсь. А если бы Билл погиб в автомобильной катастрофе, ты бы не позволила мне водить машину? В скачках

с препятствиями не больше и не меньше риска, чем в езде на автомобиле. – Я помолчал, но она продолжала плакать. – На шоссейных дорогах гибнет в тысячу раз больше людей, чем на ипподроме, – сказал я.

После этого дурацкого заявления она немного успокоилась, но язвительно указала мне на разницу в числе людей, водящих машины и участвующих в скачках.

– Считанные единицы гибнут на скачках с препятствиями, – начал я снова.

– Но Билл погиб!

– Один человек из сотни за год.

– После Рождества это уже второй.

– Да. – Я осторожно посмотрел на нее. В ее глазах еще стояли слезы. – Скажи мне, Сцилла, у него не было неприятностей последнее время?

– Почему ты спрашиваешь? – Мой вопрос поразил ее.

– Были неприятности?

– Нет, никаких.

– Он не был чем-нибудь обеспокоен? – настаивал я.

– Нет. А тебе показалось, что он был чем-то обеспокоен?

– Нет, – сказал я. И это была правда. До самого своего падения Билл оставался таким же, каким я его всегда знал, – веселым, уравновешенным, положительным. Он был счастливым обладателем красивой жены, троих очаровательных ребятишек, помещичьего дома из серого камня, порядочно-го состояния и лучшей в Англии лошади для скачек с пре-

пятствованиями. Счастливый человек. И сколько я ни рылся в памяти, я не мог припомнить ни малейшего искажения этого образа.

– Тогда почему же ты спрашиваешь? – Сцилла посмотрела мне прямо в глаза.

Я рассказал ей, как мог осторожно, что падение Билла не было обычным несчастным случаем. Я сказал ей о проволоке и расследовании, проводимом Лоджем. Она сидела пораженная, окаменевшая.

– О нет! – воскликнула она. – Нет, нет, этого не может быть!

И теперь, в весовой на пламптонском ипподроме, я видел ее испуганное лицо. Она больше не возражала против моего участия в скачках. То, что я рассказал ей, вытеснило у нее из головы все другие мысли.

Тяжелая рука легла мне на плечо. Я хорошо знал ее. Это была рука Пита Грегори, скакового тренера, дородного мужчины примерно шести футов ростом, начинавшего уже толстеть и лысеть, но в свое время, как мне говорили, самого великого человека, когда-либо вдевавшего ногу в стремя скакового седла.

– Привет, Алан, мой мальчик, рад тебя видеть! Я уже заявил тебя с твоим гнедым на второй заезд.

– Ну как он? – спросил я.

– Порядок. Правда, еще слабо тренирован. – Безнадежный стоял в его конюшне всего месяц. – Я бы на твоём месте не

стал его особенно гнать в гору на первый раз, а то он выдохнется еще до финиша. Понадобится немало времени, пока от него можно будет ждать чего-нибудь путного.

– Хорошо, – согласился я.

– Пойдем поговорим. Мне надо тебе кое-что сказать. – Он подтянул повыше ремешок от бинокля, висевшего у него на плече.

Мы вышли через ворота на скаковую дорожку и попробовали почву каблуками. Они уходили в землю на дюйм.

– Неплохо, если учесть, сколько снега здесь стаяло две недели назад, – сказал я.

– Тебе будет мягко падать, – заявил Пит со своим примитивным юмором.

Мы поднялись до ближайшего препятствия. Сторона, где лошади приземлялись, казалась слишком податливой, но мы знали, что почва на другом конце ипподрома осушена лучше. Все было в порядке.

Внезапно Пит спросил:

– Ты видел, как грохнулся Адмирал в Мейденхеде? – Он сам, когда это случилось, был в Ирландии, покупал там лошадей и только что вернулся.

– Да. Я был примерно на десять корпусов позади него, – ответил я, глядя вдоль скаковой дорожки и стараясь сосредоточиться на том, как расположены препятствия.

– Ну?

– Что «ну»?

– Что случилось? Почему он упал? – В голосе Пита появилась настойчивость, которую трудно было ожидать при таких обстоятельствах. Я взглянул на него. В его серые, неулыбающиеся, изучающие глаза. Подчиняясь какому-то непонятному инстинкту, я притворился, что ничего не знаю.

– Просто упал, – сказал я. – Когда я брал это препятствие, Адмирал лежал на земле, а Билл под ним.

– Выходит, Адмирал неправильно взял барьер? – произнес Пит испытующе.

– Этого я не видел. Должно быть, он зацепился за верхний край барьера. – Это было достаточно близко к истине.

– А не было там чего-нибудь еще? – Глаза Пита глядели так пронзительно, словно старались проникнуть в мой мозг.

– О чем это ты? – Я уклонился от прямого ответа.

– Да так. – Его напряженное ожидание исчезло. – Ну, если ты ничего не видел...

Мы повернули назад. Мне было неприятно, что я не сказал Питу правды. Но уж слишком настойчивым и настороженным он выглядел. Конечно, я был убежден, что Пит не такой человек, чтобы рискнуть искалечить лошадь, а уж тем более собственного друга, но почему он так явно обрадовался, когда поверил в то, что я ничего не заметил?

Я решил было спросить его, что он думает по этому поводу, а потом рассказать ему все как было, когда он вдруг заговорил:

– Ты не собираешься участвовать в любительской скачке,

Алан? – Он стал таким, как всегда, насмешливым и улыбающимся.

– Не собираюсь, – ответил я. – Послушай, Пит...

Но он прервал меня:

– Дней пять-шесть тому назад в мою конюшню поставили лошадь. Записали на сегодня. Гнедой жеребец, славное животное, на мой взгляд. Его привели из маленькой конюшни откуда-то с запада, и его новый владелец очень хочет, чтобы лошадь сегодня участвовала в скачках. Я пробовал тебе звонить сегодня утром, но ты уже ушел.

– Как его зовут? – спросил я, так как знал, что подобные предисловия были у Пита способом втянуть меня в какую-нибудь авантюру.

– Поднебесный.

– Не слышал о таком. Что он натворил?

– Да ничего особенного. Конечно, он еще молодой...

– Ну, выкладывай, что он сделал?

Пит вздохнул и сдался.

– Он скакал только два раза в Девоне, прошлой осенью. Он не упал, но... оба раза сбросил наездника. Вообще-то, он неплохо прыгал у меня через учебное препятствие сегодня утром. Я думаю, ты легко с ним сладишь, а сейчас это главное.

– Пит, мне не хочется тебе отказывать... – начал я.

– А его владелица так надеялась, что ты согласишься скакать на нем! Это ее первая лошадь, и наездник должен пер-

вый раз выступать в новой, с иголки, форме. Она так нервничает! Я сказал, что попрошу тебя...

– Нет, не думаю... – начал я опять.

– Ну поговори с ней, по крайней мере, – сказал Пит.

– Ты же понимаешь, что, если я поговорю с ней, мне будет гораздо труднее отказаться.

Пит этого не отрицал.

– Опять какая-нибудь бедная старая дама, которая должна навсегда лечь в больницу и хочет получить последнее удовольствие перед своим печальным концом? – спросил я.

Это была трогательная история, с помощью которой Пит незадолго до этого убедил меня скакать на лошади, которая мне предельно не понравилась. Старую даму я часто видел после этого на скачках. Очевидно, больница и печальный конец все еще ждали ее.

– Нет, это совсем не бедная старая дама, – заверил меня Пит.

Мы подошли к загону, и Пит, оглядевшись, кивнул кому-то. Краем глаза я увидел, что к нам приближается женщина. Теперь, не совершив непростительной грубости, удирать было уже поздно. У меня хватило времени только шепотом от всего сердца выругать Пита, прежде чем я обернулся и был представлен новой владелице гнедого жеребца Поднебесного, мастера сбрасывать наездника.

– Мисс Эллери-Пенн, это Алан Йорк, – представил меня Пит.

Я погиб прежде, чем она успела произнести хоть слово. Первое, что я сказал, было:

– Я буду счастлив скакать на вашей лошади.

Пит откровенно смеялся надо мной.

Это была красавица. У нее были правильные черты лица, чудесная кожа, смеющиеся серые глаза, блестящие черные волосы, ниспадавшие почти до плеч. И она привыкла производить впечатление. Но разве она была виновата в этом?

Пит сказал:

– Тогда порядок. Я заявляю тебя на любительскую. Это будет четвертый заезд. Форму я передам Клему.

И он пошел к весовой.

– Я так рада, что вы согласились скакать на моей лошади, – сказала девушка. Она говорила неторопливо, низким голосом. – Мне подарили ее ко дню рождения. Вечная проблема – подарки ко дню рождения, правда? Мой дядя Джордж – прелестный человек, но немножко со странностями – поместил объявление в «Таймс», что купит скаковую лошадь. Тетя говорит, что он получил пятьдесят предложений и купил именно эту, потому что ему понравилось ее имя. Он сказал, что мне будет забавнее получить ко дню рождения лошадь вместо традиционного жемчужного ожерелья.

– Ваш дядя Джордж – очаровательный человек!

– Да, но жить с ним трудновато. – У нее была особая манера повышать голос на последних словах каждой фразы так, что эта фраза звучала вопросительно. Как будто к каждому

своему замечанию она добавляла: вы не согласны?

– А вы живете вместе с ним? – спросил я.

– Ну да. Мои родители разошлись в незапамятные времена, ну, разлетелись в разные стороны и все такое.

– Простите.

– Не нужно никаких соболезнований. Я совершенно не помню ни отца, ни мать. Образно выражаясь, они подкинули меня к дверям дяди Джорджа в нежном возрасте – двух лет от роду.

– Дядя Джордж хорошо выполнил свою задачу, – сказал я, глядя на девушку с откровенным восхищением.

Она приняла это без всякой неловкости, как нечто само собой разумеющееся.

– Вернее, тетя Дэйб. Она чуточку практичнее. А вообще они оба очаровательны.

– Они здесь сегодня? – спросил я.

– Нет, – ответила мисс Эллери-Пенн. – Дядя Джордж заявил, что, если уж он дал мне путевку в новый чудесный мир, сплошь населенный отважными и очаровательными молодыми людьми, не нужно, чтобы под ногами путались какие-то старые родичи.

– Я с каждой минутой все больше люблю дядю Джорджа, – сказал я.

Мисс Эллери-Пенн одарила меня божественной улыбкой, которая, впрочем, ничего не обещала.

– Вы видели моего Поднебесного? Правда, симпатич-

ный? – спросила она.

– Не видел. И боюсь, что пять минут тому назад я и не подозревал о его существовании. Как случилось, что ваш дядя послал его в конюшню Грегори? Выбрал первую попавшуюся?

Она засмеялась.

– Не думаю, чтобы дядя действовал наугад. Он выбрал конюшню вполне сознательно. Он сказал, что, если Поднебесный попадет сюда, я смогу заполучить в качестве жокея майора Дэвидсона. – Она нахмурилась. – Дядя был потрясен, когда прочел в понедельник в газете, что майор Дэвидсон разбился.

– Он знал его? – спросил я, просто чтобы что-то сказать, любуясь пленительным изгибом уголков ее алого рта.

– Нет, я думаю, что он не знал его лично. Вероятно, он знал его отца. Мне кажется, он знал отцов всех молодых людей на свете. Он сказал только: «Боже милостивый, майор Дэвидсон умер!» Но он не слышал, как я и тетя Дэб четыре раза просили его передать мармелад.

– И это все?

– Да, а почему вы спрашиваете? – проговорила мисс Элери-Пенн с любопытством.

– Да ничего особенного, – ответил я. – Мы были большими друзьями с Биллом Дэвидсоном.

Она кивнула:

– А, понимаю. – Помолчала. – Но что я должна теперь

делать в новой для меня роли владелицы скаковой лошади? Мне не очень хочется в первый же день совершить какой-нибудь нелепый промах. Буду благодарна вам за советы или замечания, мистер Йорк.

– Меня зовут Алан, – сказал я.

Она поглядела на меня оценивающим взглядом. Это лучше всяких слов сказало мне, что, несмотря на свою молодость, она уже научилась защищаться от навязчивых знаков внимания и не вступать во взаимоотношения с незнакомыми людьми.

Наконец она улыбнулась и сказала:

– Меня зовут Кэт.

Она удостоила меня своим именем, словно подарком, который я с удовольствием принял.

– Что вы знаете о скачках? – спросил я.

– Абсолютно ничего. В жизни не была на ипподроме.

– Вы сами ездите верхом?

– Ни разу не пробовала.

– Наверно, ваш дядя Джордж любит лошадей? Может быть, он охотник?

– Дядя Джордж абсолютно равнодушен к лошадям. Он как-то пошутил, что у лошади один конец кусается, а другой лягается. А что касается охоты, он говорит, что у него есть более привлекательное занятие, чем носиться зимой по замерзшим болотам за каким-то хвостатым млекопитающим, испытывая при этом страшные неудобства.

Я засмеялся:

– Может быть, ваш дядя играет в тотализатор? Делает ставки в букмекерских конторах, не появляясь на ипподроме?

– Все знают, что дядя Джордж в день финала кубка по футболу спросил, кто выиграл дерби.

– При чем же тогда Поднебесный?

– Чтобы расширить мой горизонт, как сказал дядя Джордж. Мое воспитание шло обычным чередом: училась в закрытой школе, окончила школу, путешествовала по Европе под самым строгим присмотром. Дядя Джордж говорит, что нужно, чтобы из моего носа выветрился запах музеев.

– И он подарил вам скаковую лошадь, когда вам исполнился двадцать один год? – спросил я самым деловым тоном.

– Да, – ответила она и пристально поглядела на меня.

Я улыбнулся. На этот раз мне удалось преодолеть поставленный ею барьер.

– Как владелице лошади, вам не придется делать ничего особенного, – сказал я, – надо только пойти перед началом заезда вон к тем конюшням и посмотреть, как ее будут седлать. Потом вы вместе с Питом пройдете в паддок и будете там стоять и отпускать ничего не значащие замечания насчет погоды до тех пор, пока не подойду я. Потом я сяду на лошадь и отправлюсь на старт.

– А что мне делать, если мой Поднебесный выиграет заезд?

– А вы надеетесь, что он выиграет? – спросил я. Я не был уверен, что она хоть что-нибудь знает о своей лошади.

– Мистер Грегори сказал, что Поднебесный выиграет.

Я почувствовал облегчение. Мне не хотелось ее разочаровывать.

– Мы будем знать о нем гораздо больше после заезда. Но если он придет в числе первых трех, его будут расседлывать вон там – напротив весовой. Если нет – вы найдете нас тут, на траве.

Близилось начало первого заезда. Я проводил прелестную мисс Эллери-Пенн к трибунам и, исполняя план дяди Джорджа, познакомил ее с несколькими отважными и очаровательными молодыми людьми. К несчастью, я понял, что, когда я вернусь со скачки для новичков, я буду в глазах мисс Эллери-Пенн уже только одним из тех, которые «тоже скачут».

Я наблюдал, как юная мисс взяла в плен группу моих друзей. Она была такая веселая, такая живая.

Мне казалось, что внутри у нее пылает скрытый неугасимый огонь и тепло от него прорывается наружу только в ее удивленном низком голосе. «Кэт должна остаться привлекательной и в пожилом возрасте», – подумал я неожиданно, и мне пришло в голову, что, если бы Сцилла обладала этой бьющей через край жизненной силой, а не своей кроткой, уступчивой красотой, подозрения инспектора Лоджа могли бы оказаться близки к истине.

После того как мы посмотрели первый заезд, я предоставил Кэт решать, кому из ее новых знакомых она окажет честь угостить ее кофе, а сам пошел взвеситься перед заездом молодняка. Обернувшись на ходу, я увидел, что она направилась к бару, сопровождаемая хвостом из поклонников, будто комета. Сверкающая, зачаровывающая комета.

В первый раз в жизни я пожалел, что должен участвовать в заезде.

Глава 4

В раздевалке Сэнди Мейсон, уперев руки в бока, непрерывно работал языком. Это был плотный здоровяк лет тридцати с небольшим, очень сильный, с темно-карими глазами, опущенными поразительно бледными, красноватыми ресницами.

Как профессиональный жокей, он не входил в дюжину лучших, но часто добивался успеха благодаря своей бравой езде. Он был неустрашим. Он посылал своих лошадей в самые узкие интервалы между соперниками, причем иногда в такие интервалы, которых вообще не существовало, покуда он не создавал их при помощи грубой силы. Агрессивность не раз приводила его к жарким схваткам с распорядителями на скачках, но другие жокеи не особенно сердились на него, так как любили за несокрушимую, заразительную жизнерадостность.

Его чувство юмора было таким же могучим, как он сам, и если я лично считал, что его розыгрыши были иногда чересчур жестокими или слишком неприличными, то я оставался в явном меньшинстве.

– Эй, вы, подонки, кто из вас упер мой шест для баланса?! – гремел он, и голос его перекрывал деловые разговоры во всех уголках раздевалки. На этот вопрос о местопребывании его хлыста ответа не последовало.

– Вы что, шпана, не можете приподнять свои зады и поглядеть, не сидите ли на нем? – сказал он трем или четверем жокеям, натягивавшим сапоги на скамейке рядом с ним. Они подняли глаза и с удовольствием ожидали конца его тирады. Сэнди продолжал изрыгать поток ругательств, ни разу не повторившись, пока один из служителей не отыскал его хлыст.

– Где ты его нашел? – спросил Сэнди. – У кого он был? Я оторву ему руку!

– Он был на полу, под скамейкой, возле вас.

Но Сэнди никогда не смущали собственные промахи. Он оглушительно захохотал и взял свой хлыст.

– На этот раз я вас всех прощаю.

Он прошел в весовую, неся свое седло и рассекая воздух хлыстом, словно желая убедиться, что тот остался таким же гибким. Он постоянно пользовался хлыстом во время скачки.

Проходя мимо меня в дверях раздевалки, он окинул меня быстрым смеющимся взглядом, который делал его всеобщим любимцем, несмотря на все его недостатки. Я обернулся и посмотрел, как он садится на весы, положив хлыст на стол рядом с собой. Он что-то сказал, чего я не расслышал, и оба – служитель у весов и судья, который записывал цвета жокейских камзолов, чтобы распознать их на финише, – захохотали, отмечая его в своих списках.

Незадолго перед тем прошел слух, что Сэнди придержал нескольких лошадей, на которых скакал, и был щедро воз-

награжден букмекерами за эти услуги. Официальное расследование велось всего один час, ничего не было доказано. Те, кто бывал жертвой его розыгрышей, считали, что Сэнди способен на все. Но остальные в один голос уверяли, что придерживать лошадь вовсе не в характере человека, который применяет такие жесткие способы, лишь бы прийти первым.

Наблюдая его свободную и беспечную манеру общения с администрацией ипподрома, я мог понять, что знакомое с открытым, дружеским нравом парня начальство, которое вело расследование, должно было за отсутствием веских доказательств поверить в его невиновность. Среди жокеев осталось убеждение, что Сэнди все-таки придержал когда-то парочку лошадей, но только не в течение последних месяцев.

Придерживать лошадь можно, например, пропустив старт, или отодвинувшись в седле назад, или привстав на стремянах. После этого жокей-жулик, начиная с последнего препятствия, когда он уже на виду у толпы, совершенно честно скачет к финишу, притворяясь, будто заставил лошадь сделать все, что она могла, – но выиграть, скорее всего, не сумеет. Эти вещи делаются довольно редко, потому что жокей, замеченный в такого рода проделках, обычно остается без работы.

За полтора сезона моего участия в скачках я видел такое только дважды. Оба раза это проделывал один и тот же человек – белобрысый круглолицый юнец по имени Джо Нантвич. Во второй раз, месяца два тому назад, он чудом спас

свою жокейскую лицензию, потому что попытался жульничать в заезде, в котором участвовал известный ябедник Дэвид Стамп, младший сын сэра Кресвелла.

Джо, а также, по моему мнению, Сэнди жульничали, нарочно заставляя отставать лошадей, на которых они скакали и которые, безусловно, должны были прийти первыми. Фактически парни были виновны в преступном мошенничестве. Но я не знал, намного ли лучше поступал я, когда привязывал мой шлем к седлу и относил на весы. Я предполагал осторожно провести Безнадежного через все препятствия, сосредоточившись на том, чтоб пройти всю скаковую дорожку; я не хотел выматывать лошадь в слабой надежде, что она придет к финишу в числе первых трех. Безнадежный был не очень вынослив, и слишком напряженная скачка могла принести ему вред. Конечно, если в случае каких-нибудь непредвиденных обстоятельств вроде падения других лошадей у меня появился бы шанс на победу, я бы ухватился за этот шанс. Есть колоссальная разница между тем, чтобы придержать лошадь и не слишком стараться, хоть и желая выиграть. Но для рассерженных людей, ставивших на эту лошадь, дело в результате. Они теряют свои деньги.

Я взял седло и пошел с ним туда, где меня ждал Пит с Безнадежным. Пит оседлал лошадь, и Руперт, младший конюх, повел ее в паддок. Пит и я пошли вслед за ним, рассуждая на ходу о других лошадях, участвующих в этой скачке. Кэт нигде не было видно.

Когда пришло время, я сел на Безнадежного и выехал на скаковую дорожку. В крови снова появилось знакомое возбуждение. Ни смерть Билла Дэвидсона, ни горе Сциллы, ни мысль о Кэт, за которой сейчас ухаживает кто-то другой, – ничто не могло омрачить того счастья, которое я испытывал, когда рысью подъезжал к стартовым воротам. Быстрота скачки, мгновенные решения, риск – во всем этом я остро нуждался как в противоядии от размеренной скуки цивилизации. Безопасность иногда бывает чрезмерной. Авантюры необходимы такому, как я, искателю приключений, отец которого перестал считать деньги, заработав четвертый миллион.

А мой отец, сочувствуя мне, так как у него была еще более дикая молодость, предоставил в мое распоряжение гоночный автомобиль, трех хороших лошадей и возможность затеряться в стране, отстоящей на пять тысяч миль от дома. Во всяком случае, он сказал, давая мне свое благословение, что скачки с препятствиями – довольно мирное занятие для того, кто с десятилетнего возраста участвовал в охоте на крокодилов на реке Замбези. Ежегодный месячный отъезд моего отца из его торговой империи означал для нас бросок через дикий вельд и погружение в дебри первобытного леса, порой с абсолютным минимумом провианта и снаряжения, которые некому было нести, кроме нас самих. И если вдуматься как следует, могло показаться странным, что я, для которого непроходимые джунгли были привычной игровой

площадкой, искал теперь необходимые мне острые ощущения в мирной стране, среди дружелюбных животных, участвуя в спорте, окруженном со всех сторон всяческими правилами и ограничениями.

Чтобы убедиться, все ли на месте, стартер читал список, пока мы делали пробные круги, проверяя надежность подпруг. Я увидел, что рядом со мной держится Джо Нантвич со своим обычным неприятным, полуобиженным-полухвастливым выражением на лице.

– Поедешь после скачки к Дэвидсонам? – спросил он. Джо всегда говорил со мной с такой фамильярностью, что меня перекашивало от отвращения.

– Поеду, – сказал я, но, вспомнив о Кэт, добавил: – Хотя, может быть, не сразу.

– Подбросишь меня до Эпсوما?

– Я поеду не по той дороге, – ответил я как можно вежливее.

– Но ведь ты будешь проезжать Доркинг. А оттуда я доберусь автобусом. Сюда меня подвезли на попутной машине, ехавшей в Кент, и я теперь ищу, кто бы меня подбросил домой.

Он так настаивал, что я в конце концов согласился, хотя знал, что он преспокойно мог бы найти кого-нибудь, кто едет прямо в Эпсом.

Мы выстроились в линию на старте. По одну сторону от меня оказался Джо, по другую – Сэнди. Судя по взглядам,

которыми они обменялись, можно было понять, что особой любви они друг к другу не питали. Сэнди злобно улыбался, а лицо Джо сморщилось, словно у ребенка, который старается не заплакать. Я догадывался, что, по всей вероятности, Сэнди уколол самолюбие Джо какой-нибудь издевательской шуткой, например налил ему в сапоги варенья.

Мы стартовали, и я сосредоточил все свое внимание на том, чтобы заставить Безнадежного пройти все препятствия как можно быстрее, чище и безопаснее. Лошадь была еще очень неопытной и пугалась препятствий, но главный прыжок был еще впереди. Безнадежный шел так хорошо, что больше половины дистанции я оставался третьим, слегка направляя лошадь к внешнему краю скаковой дорожки, чтобы она могла хорошо видеть препятствия. Однако последняя четверть мили, шедшая на подъем, оказалась для нее слишком трудной, и я пришел шестым. Я был доволен, и Сцилла могла успокоиться.

Сэнди Мейсон успел прямо передо мной, а потом прибежала галопом лошадь Джо Нантвича – без всадника, с болтающимися поводьями, оглядываясь назад, к дальнему концу дорожки, где я увидел маленькую фигурку Джо, бредущего к трибунам. Я не сомневался, что по дороге в Доркинг услышу полный отчет о всех его неприятностях.

Я снял седло, вернулся в весовую, переоделся в новенькую, с иголки, форму Кэт, дал Клему утяжелить свою одежду на десять фунтов с помощью пластинок свинца, так

как для любительской скачки я должен был весить на десять фунтов больше, и пошел посмотреть, куда девалась мисс Эл-лери-Пенн.

Она стояла, прислонившись к перилам парадного круга и поглядывая поочередно то на лошадей, то (с чрезмерным, как мне показалось, одобрением) на Дэна Хиллмэна – одного из отважных и очаровательных молодых людей, с которыми я ее познакомил.

– Мистер Хиллмэн сейчас сказал мне, – проговорила Кэт, – что этот невзрачный мешок костей, ну вот там – с головой, болтающейся у колен, и с хлопающими ушами, – самая быстрая лошадь в заезде. Поверить мне этому или деликатно посмеяться в ответ на милую шутку?

– Никаких шуток, – сказал я. – Это действительно самая лучшая лошадь. Не с виду, конечно, тут вы правы, но среди этой компании она, безусловно, гарантирует верный выигрыш.

Дэн заметил:

– Лошади, у которых вот так опущена голова, обычно отличные прыгуны. Они видят, куда скачут.

– А мне нравится вон то великолепное создание, – сказала Кэт, глядя на жеребца с красиво изогнутой шеей и высоко поднятой головой. Большая часть его тела была покрыта попоной, чтобы уберечь его от февральского холода, а открытый круп был выпуклым и блестящим.

– Он чересчур жирный. Должно быть, он отъедался, по-

куда лежал снег, и у него не было достаточного моциона. Он просто лопнет, если его заставить что-нибудь сделать.

Кэт вздохнула:

– Я вижу, лошади полны парадоксов, как творения Дж. К. Честертона. Ничтожества кажутся великолепными, а великолепные кажутся ничтожествами.

– Ну, не всегда, – сказали мы с Дэном в один голос.

– Я с удовольствием продолжу для вас, мисс Эллери-Пенн, – заявил Дэн, – курсы по изучению скаковых лошадей.

– Я очень медленно усваиваю новую информацию, мистер Хиллмэн.

– Тем лучше, – обрадовался Дэн.

– Ты не скачешь сегодня? – спросил я у него.

– Скачу, приятель, в двух последних заездах. Ты не беспокойся, я присмотрю за мисс Эллери-Пенн, пока ты будешь мчаться на ее лошади. – Он ухмыльнулся.

– А разве вы тоже жокей, мистер Хиллмэн? – удивленно спросила Кэт.

– Да, – ответил Дэн и ограничился этим.

А между тем он был восходящей звездой нашей профессии. Пит Грегори первым отметил его, и это обстоятельство очень сблизило нас, не говоря уже о внешнем сходстве между нами. Посторонние часто путали нас: мы были одного возраста, оба темноволосые, оба среднего роста, почти одного сложения. Когда мы сидели на лошадях, разница была вид-

нее: как жокей он был гораздо лучше. Мне никогда таким не стать.

– Я думала, что любого жокея можно принять за выходца из Лилипутии, – сказала Кэт, – но у вас обоих вполне приличный рост. – Она взглянула на нас снизу вверх, хотя сама была достаточно высокой.

Мы засмеялись. Я пояснил:

– Жокеи на скачках с препятствиями почти все приличного роста. Легче удержаться в седле во время прыжка через барьер, если у тебя достаточно длинные ноги, чтобы сжимать бока лошади. И в обыкновенных скачках, без препятствий, попадают высокие парни, как мы. Хотя они, как правило, более сухошавы.

– Все мои иллюзии разбиты, – вздохнула Кэт.

– Мне нравится твоя лошадь, Алан, – сказал Дэн. – Через год из нее выйдет отличный скакун.

– А вы тоже будете скакать на собственной лошади? – спросила его Кэт.

– Увы, у меня нет собственной лошади, – ответил Дэн. – Я профессионал, нам запрещают держать собственных лошадей.

– Профессионал? – Брови Кэт поднялись. Мне было забавно смотреть, как разбивается еще одна ее иллюзия.

– Да, скачками я зарабатываю себе на жизнь, – подтвердил Дэн, улыбаясь. – Я ведь не Алан, у которого папаша лопается от денег. Зато мне платят за любимое дело. Так что

положение у меня великолепное.

Кэт задумчиво переводила взгляд с него на меня.

– Быть может, когда-нибудь я пойму, что заставляет вас заниматься этим «любимым делом», рискуя сломать себе шею, – заявила она.

– Когда поймете, скажите нам, – попросил Дэн. – Для меня это пока тайна.

Мы вернулись к трибунам и посмотрели третий заезд. Невзрачная лошаденка пришла первой, опередив остальных на двадцать корпусов. Скепсис Кэт значительно уменьшился после первой мили и исчез совсем, когда лошадь взяла третье, последнее препятствие.

– Не воображайте, пожалуйста, что мы всегда знаем, кто придет первым, – успокоил девушку Дэн. – Жокеи – плохие оракулы. Но эта лошадь была несомненным фаворитом. Фаворит, хоть убей!

«Фаворит, хоть убей». Обычное, ходовое среди жокеев выражение вонзилось в мое сознание, словно игла. Убийца Билла Дэвидсона рассчитывал на то, что Адмирал – фаворит.

Фаворит, хоть убей... Убей.

Лошадь Кэт, которую купили, словно кота в мешке, была совсем не так плоха, как я опасался. Лишь на втором препятствии она коротко вскинула зад и крутанула корпусом посреди прыжка. Я вылетел из седла и вновь опустился на него только по чистой случайности. Очевидно, с помощью

этого трюка Поднебесный избавился от своего прежнего жокея, которому я теперь сочувствовал от всей души. Жеребец повторил этот трюк, перепрыгивая через третий ров, но остальную часть пути мы прошли без всяких происшествий. Он обнаружил даже неожиданную силу на подъеме и, обойдя нескольких усталых соперников, закончил заезд четвертым.

Кэт была в восторге.

– Спасибо дяде Джорджу за его идею, – сказала она. – Я в жизни не получала такого удовольствия!

– Я думал, Алан, что ты вылетишь на втором препятствии, – сказал Пит Грегори, когда я расстегивал пряжки подпруги.

– Такая же мысль пришла и мне, – откликнулся я с чувством. – Чистое везение, что я не вылетел.

Пит смотрел, как дышит Поднебесный: у него вздымались ребра, но не очень сильно.

– Что ж, – сделал вывод Пит, – это замечательная лошадь. Думаю, еще в этом сезоне мы с ней выиграем пару скачек.

– Может быть, пойдем разопьем бутылочку? – спросила Кэт. Глаза ее сияли от возбуждения.

Пит засмеялся:

– Погодите, пока у вас будет победитель, за которого стоит распить бутылочку. Я бы охотно поддержал более скромный тост – за будущее, но сейчас не могу, занят в следующем заезде. Однако я не сомневаюсь, что Алан составит вам компанию. – Он искоса посмотрел на меня, забавляясь тем, как

безоговорочно я поддался чарам мисс Эллери-Пенн.

– Вы меня подождете, Кэт? – спросил я. – Мне нужно пойти и опять взвеситься, так как мы пришли четвертыми. Я переоденусь – и мигом...

– Я прогуляюсь у весовой, – пообещала Кэт, кивнув.

Я взвесился, отдал седло Клему, умылся и переоделся в свой обычный костюм. Кэт стояла у весовой, поглядывая на группу девушек, болтавшихся неподалеку.

– Кто они? – спросила Кэт. – Они стояли тут все время и ничего не делали.

– В основном это жокейские жены, – ответил я, ухмыляясь. – Ждать возле весовой – их главное занятие.

– И наверно, жокейские подруги, – заметила Кэт, криво улыбнувшись.

– Да, – согласился я и только сейчас почувствовал, как приятно знать, что кто-то ждет тебя у дверей.

Мы зашли в бар и уселись в ожидании кофе.

– Дядя Джордж был бы потрясен, если бы проведал, что мы пьем этот безалкогольный напиток за здоровье моего Поднебесного, – сказала Кэт. – Неужели вы никогда не пьете чего-то крепче кофе?

– Конечно пью, но не в три часа дня. А как вы?

– Моя страсть – шампанское к завтраку, – заявила Кэт. Глаза ее смеялись.

Я спросил, не проведет ли она сегодня вечер со мной, но она сказала, что никак не может. Кажется, у тети Дэб званый

обед, а дядя Джордж непременно захочет услышать, как вел себя его подарок.

– Тогда, может быть, завтра?

Кэт в затруднении смотрела в свой стакан.

– Я... я... завтра я обещала поужинать с Дэном.

– Черт бы его побрал! – взорвался я.

Кэт засмеялась.

– А в пятницу? – настаивал я.

– Вот это с удовольствием, – сказала Кэт.

Мы прошли к трибунам и посмотрели, как в пятой скачке Дэн пришел первым на голову впереди. Кэт бурно его приветствовала.

Глава 5

На стоянке автомобилей шла жестокая драка. Я вышел из ворот, собираясь ехать домой после последней скачки, и остановился как вкопанный. На открытом пространстве между воротами и первой линией автомобилей дрались человек двадцать, и дрались насмерть. С первого взгляда было видно, что удары наносились далеко не по утвержденным Куинсберри правилам бокса.

Это было страшно. Схватки между двумя-тремя завсегда-таями – обычное дело на ипподроме, но битва такого масштаба и такой свирепости, должно быть, была вызвана чем-то более серьезным, чем ставки на тотализаторе.

Я пригляделся внимательнее. Не было сомнения, что некоторые участники драки орудовали кастетами. В воздухе мелькали велосипедные цепи. Два человека лежали на земле, застыв в напряженных позах, словно они совершали какой-то странный туземный ритуал. Пальцы одного из них были сомкнуты вокруг кисти другого, у которого в руке был нож с острым лезвием в три дюйма шириной. Лезвие было недостаточно длинным, чтобы нанести смертельный удар, оно было предназначено для того, чтобы резать и уродовать.

Похоже было, что сражались две примерно равные группы, но невозможно было различить, кто к какой принадлежит. Человек с ножом, медленно выпускавший его из рук,

был почти мальчиком, но большинство дерущихся были вполне зрелыми людьми. Единственный пожилой мужчина стоял на коленях посреди дерущихся, прикрывая голову руками, а вокруг него бушевала яростная битва.

Они дрались в жутком молчании. Слышно было только их тяжелое дыхание. Зрители, возвращавшиеся домой с ипподрома, стояли полукругом с разинутыми ртами, все увеличиваясь в числе, но не проявляя желания вмешаться в драку и попробовать прекратить ее.

Я увидел рядом с собой продавца газет.

– Из-за чего драка? – спросил я.

На ипподроме не было ничего такого, чего бы не знали газетчики.

– Это таксисты, – сказал он. – Тут две соперничающие группы: одна из Лондона, другая из Брайтона. Драки между ними – вечная история, когда они сталкиваются.

– Почему?

– Не знаю, мистер Йорк. Но это у них не в первый раз.

Я опять поглядел на дерущуюся толпу. У одного или двух еще оставались фуражки на головах. Несколько пар катались по земле, несколько пар боролись, колотили друг друга о бока стоящих в два ряда машин. Кулаками и железными предметами они наносили друг другу тяжелые увечья. Два человека стояли согнувшись, держась за животы. Почти у всех была кровь на лицах, одежда порвана в клочья.

– Они же перебьют друг друга, – сказала девушка рядом

со мной, глядя на эту сцену с какой-то смесью ужаса и восхищения.

Я поглядел через ее голову на человека, стоявшего по другую сторону от нее, крупного мужчину шести футов ростом с сильно загорелым лицом. Он смотрел на драку с угрюмым отвращением, сузив глаза. Я не мог вспомнить его имя, хотя чувствовал, что должен был знать его.

В толпе зрителей нарастало беспокойство, люди бросились искать полицию. Замечание девушки было не пустяковым: кое-кто из дерущихся, если не придет помощь, мог умереть от ударов, толчков и пинков. Судя по всему, эти ребята решили драться насмерть.

Драка создала пробку на автомобильной стоянке. Появился полицейский, взглянул на происходящее и бросился за подкреплением. Он вернулся с одним конным и четырьмя пешими констеблями, которые были вооружены дубинками. Они бросились в гущу сражения, но им потребовалось несколько минут, чтобы остановить драку.

Прибыли еще полицейские. Таксистов растащили и кое-как разделили на две группы. И той и другой банде досталось одинаково, ни одна не одержала верх. Поле битвы было усеяно фуражками и обрывками курток и рубах. Два ботинка – черный и коричневый – валялись на расстоянии десяти футов один от другого. На земле виднелись пятна крови. Полицейские стали складывать в кучу найденное оружие.

Когда волнение улеглось, зрители начали расходиться.

Небольшая кучка пассажиров такси подошла к полисмену, чтобы узнать, надолго ли задержат шоферов. К ним присоединился загорелый человек.

Один из журналистов, постоянно пишущий о скачках, стоял рядом со мной, что-то записывая в блокнот.

– Кто этот загорелый человек, Джон? – спросил я его. Он поднял на меня глаза и посмотрел, на кого я показывал.

– Кажется, его зовут Тюдор, – сказал он. – У него несколько собственных лошадей. Он приехал недавно. Миллионер. Я мало знаю о нем. Похоже, он недоволен, что не может уехать.

Действительно, у Тюдора был очень рассерженный вид, он упрямо выпячивал нижнюю челюсть. Мне все еще казалось, что я должен что-то вспомнить об этом человеке, но я никак не мог сообразить, что именно. Он ничего не добился у полицейского, который отрицательно мотал головой. Машины стояли пустыми.

– В чем тут дело? – спросил я журналиста.

– Междоусобная война, как сообщила мне агентура, – ответил он весело.

Пятеро шоферов лежали навзничь на холодной мокрой земле, один из них непрерывно стонал.

Журналист сказал:

– Половину из них отправят в госпиталь, половину – в полицию. Какой материал!

Человек, стонавший на земле, перекатился на живот, его

стошнило.

– Пойду позвоню в редакцию, – сообщил репортер. – А вы сейчас домой?

– Жду этого проклятого Джо Нантвича, – сказал я. – Обещал подбросить его в Доркинг, но он как в воду канул после четвертого заезда. Похоже, он поехал с кем-нибудь еще, а меня забыл предупредить.

– В последний раз я видел его, когда он ругался с Сэнди и получил от него по первое число.

– Да, эти двое здорово ненавидят друг друга, – заметил я.

– Знаете почему?

– Понятия не имею. А вы знаете?

– Нет, – сказал журналист.

Он улыбнулся мне на прощание и пошел на ипподром звонить по телефону.

Подъехали две кареты «скорой помощи», чтобы подобрать раненых таксистов. В кузов каждой машины забрался полисмен, другой уселся рядом с водителем. Со всем этим грузом машины медленно двинулись по дороге к главным воротам.

Оставшихся шоферов трясло от озноба – пламя битвы угасло, и их стал пробирать сырой февральский ветер. У них одеревенели суставы, они все были в синяках и кровоподтеках, но нисколько не раскаивались в том, что произошло. Человек из одной группы вышел вперед, скорчил рожу противникам и оскорбительно плюнул в их направлении. Его ру-

башка превратилась в лохмотья, а лицо распухло от синяков. Его бицепсы сделали бы честь кузнецу, шелковистые темные волосы падали на лоб. На вид это был опасный тип. Когда полицейский взял его за руку, чтобы отвести обратно к его группе, он резко обернулся и зарычал. К ним стали придвигаться еще двое полицейских, и темноволосый неохотно подчинился.

Я решил уже махнуть рукой на Джо, когда он вдруг вышел из ворот и окликнул меня, даже не подумав извиниться за опоздание. Но не я один заметил его появление.

Высокий загорелый мистер Тюдор шагнул в нашу сторону.

– Нантвич, будьте добры, подбросьте меня в Брайтон, – произнес он уверенно. – Как видите, такси на приколе, а у меня через двадцать минут важное свидание.

Джо рассеянно посмотрел на шоферов.

– Что случилось? – спросил он.

– Не все ли равно! – нетерпеливо фыркнул Тюдор. – Где ваша машина?

Джо мутным взором посмотрел на меня. Казалось, его мозг работает на самых малых оборотах. Он сказал:

– Э... моя машина... она не здесь, сэр. Меня самого обещали подвезти.

– Вы? – обернулся ко мне Тюдор. Я кивнул. Джо, с характерной для него небрежностью, не представил нас друг другу.

– Я буду вам обязан, если вы подвезете меня в Брайтон, –

быстро сказал Тюдор. – Я уплачу вам, как за такси.

Он был очень напорист и явно очень спешил. Было бы трудно отказать ему в услуге, которая мне ничего не стоила, а ему была так важна.

– Я отвезу вас даром, – сказал я, – но вам придется потесниться: машина у меня двухместная.

– Если она мала для троих, Нантвич останется здесь, а вы потом заедете за ним, – заявил Тюдор решительно.

Джо не выказал удивления, но я подумал, что мистер Тюдор чересчур привык не считаться ни с чьими удобствами, кроме собственных.

Мы обогнули группу избитых шоферов и направились к моему «лотосу». Тюдор уселся в машину. Он был весьма массивным, и не оставалось надежды, что Джо втиснется третьим.

– Я вернусь за тобой, Джо, – сказал я, подавляя раздражение. – Подожди меня на шоссе.

Я сел в машину, отъехал от стоянки по дороге к ипподрому и повернул на Брайтон. Моему «лотосу» было слишком тесно при таком движении на дороге, он не мог показать всю мощь двигателя фирмы «Клаймакс». Я ехал со скоростью сорок миль в час и мог спокойно подумать о моем удивительном пассажире.

Переключая скорости, я глянул вниз и случайно увидел его руку, лежащую на колене. Пальцы ее были широко расставлены и напряжены. И вдруг я вспомнил, где я его видел.

Я узнал эту руку с синеватым отливом под ногтями.

Он стоял тогда в баре в Сандауне спиной ко мне, и его рука лежала на стойке рядом со стаканом. Он разговаривал с Биллом, а я стоял позади него, не желая прерывать их разговор. Потом Тюдор осушил свой стакан и ушел.

Теперь я поглядел ему в лицо.

– Жаль Билла, – сказал я.

Коричневая рука слегка дернулась на колене. Он повернул голову и посмотрел на меня.

– Да, конечно жаль, – медленно проговорил Тюдор. – Я надеялся, что он будет скакать на моей лошади в Челтенхеме.

– Вы любитель лошадей? – спросил я.

– Да, конечно.

– Я был как раз позади него, когда он упал, – сказал я и, подчиняясь какому-то импульсу, добавил: – Слишком много вопросов возникает в связи с этой трагедией.

Я почувствовал, как огромное тело Тюдора напряглось рядом со мной. Я знал, что он все еще смотрит на меня, его присутствие давило почти физически.

– Да, наверно, – согласился он.

Тюдор явно хотел еще что-то добавить, но передумал и посмотрел на часы.

– Подвезите меня, пожалуйста, к отелю «Плаза». У меня там деловая встреча, – сказал он.

– А где это? – спросил я.

– Тут недалеко. Я покажу вам. – Снисходительным тоном

он низводил меня до роли своего личного шофера.

Мы проехали несколько миль в молчании. Мой пассажир был, по-видимому, погружен в размышления. Когда мы подъехали к Брайтону, он показал мне дорогу к отелю.

– Спасибо, – произнес он холодно, неуклюже вылезая из моего приземистого автомобиля. Всем своим видом он давал понять, что принимает услугу, оказанную ему совершенно посторонним человеком, как должное. Он уже двинулся прочь, как вдруг обернулся и спросил:

– Ваше имя?

– Алан Йорк, – сказал я. – Всего доброго. – Я отъехал, не дожидаясь ответа. Я тоже умел быть резким. В зеркале я видел, что он стоит на мостовой, глядя мне вслед.

Я возвратился на ипподром.

Джо ждал меня на скамейке у дороги. Он с трудом открыл дверцу машины и плюхнулся на сиденье, что-то бормоча. Когда он повернулся ко мне, я обнаружил, что Джо Нантвич мертвецки пьян.

Почти совсем стемнело, и я зажег фары. Я подумал, что существуют более приятные занятия, чем везти по извилистым дорогам в Доркинг Джо, который дышал на меня перегаром. Я вздохнул и нажал на газ.

Джо чувствовал себя глубоко обиженным. Обычное дело: он был убежден, что во всем плохом, выпадавшем на его долю, виноват всегда кто-то другой. Хотя ему едва исполнилось двадцать лет, он был хроническим ворчуном. Трудно

сказать, что хуже – его нытье или его хвастовство, и если жокеи относились к нему с терпимостью, это свидетельствовало лишь об их добродушии. Многого прощалось Джо за его несомненные жокейские достоинства, но он плохо использовал их, а сейчас, напившись среди бела дня, мог вообще потерять место.

– Я бы выиграл этот заезд, – ныл он.

– Дурак ты, Джо, – сказал я.

– Нет, честное слово, Алан, я должен был выиграть этот заезд. Я перегнал всех, они у меня все были в кулаке! – Он рубанул воздух ребром ладони.

– Дурак ты – напиваешься во время скачек, – сказал я.

– Чего? – Он не мог сосредоточиться.

– Пьешь, – сказал я. – Ты слишком много выпил.

– Нет, нет, нет, нет. – Слова так и посыпались из него, словно, начав говорить, он уже не мог остановиться.

– Ни один владелец не доверит тебе лошадь, если увидит, что ты пьешь, – продолжал я, хотя чувствовал, что это не мое дело.

– Пьяный или трезвый, я могу выиграть любую скачку.

– Мало кто из владельцев лошадей поверит в это.

– Все знают, что я первоклассный жокей.

– Так оно и есть, пока не напьешься.

– Я могу пить и скакать, могу скакать и пить. – Он рыгнул.

Я промолчал. В чем нуждался Джо, так это в твердой руке – лет десять назад. Сейчас было ясно, что он стоит на пути к

полной гибели и не станет благодарить того, кто попробует свернуть его с этого пути.

Он начал ныть снова:

– Этот сволочной Мейсон...

Я ничего не отвечал. Он попробовал еще раз:

– Этот сволочной Сэнди, он меня опрокинул. С места мне не сойти, он опрокинул меня через эти сволочные перила. Мне было выиграть заезд – все равно что раз плюнуть, он это знал и опрокинул меня через эти сволочные перила.

– Не валяй дурака, Джо.

– Но ты же не скажешь, что я не мог выиграть эту скачку? – проворчал Джо вызывающе.

– Ты упал по крайней мере за милю от финиша, – ответил я.

– Я не упал. Я же говорю тебе. Этот сволочной Сэнди Мейсон перебросил меня через канат.

– Каким образом? – лениво спросил я, внимательно глядя на дорогу.

– Он прижал меня к нему. Я закричал, чтобы он пропустил меня. И знаешь, что он сделал? Знаешь? Он засмеялся. Засмеялся как сволочь. Потом он опрокинул меня. Он уперся коленом, толкнул, и я перелетел через канат. – Его ноющий голос оборвался настоящим рычанием.

Я взглянул на него. Две слезы катились по его круглым щекам. Они блеснули в мерцающем свете от приборной панели и упали, словно крошечные искорки, на его меховой

воротник.

– Сэнди не стал бы этого делать, – мягко возразил я.

– Еще как стал бы! Он говорил, что рассчитается со мной. Говорил, что я пожалею! Но я ничего не смог сделать, Алан, я ничего не мог сделать! – Еще две слезы скатились по его щекам.

Я ничего не понимал. Я не имел представления, о чем он говорит, но это начинало походить на то, что у Сэнди были причины выбить Джо из седла.

А Джо продолжал:

– Ты всегда хорошо относился ко мне, Алан, ты не такой, как другие. Ты мой друг... – Он тяжело положил мне руку на плечо, прислонился ко мне. Послушный руль «лотоса» среагировал на этот неожиданный толчок мне в плечо, машину резко бросило к обочине.

Я отпихнул его.

– Ради бога, сиди прямо, Джо, или мы угодим в кювет!

Но он был слишком погружен в собственные проблемы. Он даже не слышал меня. Он снова схватил меня за плечо. Я съехал на обочину и остановил машину.

– Или сиди как следует, Джо, и оставь меня в покое, или вылезай и иди пешком, – сказал я, стараясь, чтобы мои слова дошли до его сознания.

Но он продолжал свое и теперь уже рыдал в голос.

– Ты не знаешь, какие у меня неприятности! – всхлипывал он.

Я решил выслушать его до конца. «Чем скорее он выложит все, что у него на душе, тем скорее успокоится и заснет», – подумал я.

– Какие неприятности? – спросил я. Мне это было ничуть не интересно.

– Алан, я тебе скажу, потому что ты мой товарищ, настоящий товарищ. – Он положил руку мне на колено, я сбросил ее. Между новыми взрывами рыданий Джо забормотал: – Договорились, что я должен придержать лошадь, а я этого не сделал, и Сэнди проиграл кучу денег, и он сказал, что рассчитается со мной, и он все ходил за мной и повторял это день за днем, и я знал, что он сделает что-нибудь страшное, и он сделал. – Джо умолк, чтобы перевести дух. – Еще хорошо, что я упал на мягкую землю, а не то сломал бы себе шею. Это совсем не смешно. А этот сволочной Сэнди, – он задохнулся, произнося это имя, – он смеялся! Ну ничего, он у меня посмеется! Я ему сверну на затылок его сволочную рожу!

Эта последняя сентенция заставила меня улыбнуться. Джо с его младенческим лицом и слабым характером был для грубого, могучего Сэнди не страшнее десятилетнего мальчишки. Хвастовство Джо, так же как и его нытье, происходило от неуверенности в себе. Но содержание начатой им речи – это было нечто весьма любопытное.

– Какую лошадь ты не стал придерживать? – спросил я. – И откуда Сэнди знал, что ты должен ее придержать?

Мгновение я думал, что осторожность заставит его за-

молчать, но после небольшого колебания он разговорился. Алкоголь уходил из него вместе со слезами. Слушая этот полный жалости к себе, прерываемый икотой, наполовину неразборчивый рассказ, я узнал довольно неприглядную историю. В очищенном от непристойностей и сокращенном виде она сводилась к следующему: Джо получал щедрый гонорар за то, что несколько раз придерживал лошадей. Два раза я видел это сам. Но когда Дэвид Стамп сказал о последнем таком случае своему отцу, Джо едва не потерял жокейскую лицензию, и это отбило у него охоту рисковать. Когда в следующий раз его попросили придерживать лошадь, он было согласился, но потом разнервничался, не сделал этого в начале, а у финиша сообразил, что если он проиграет эту скачку, то уж точно лишится лицензии. И пришел первым. Это было десять дней назад.

Я был удивлен.

– Значит, единственный человек, который навредил тебе, был Сэнди?

– Он меня перебросил через канат... – Джо готов был начать все сначала.

Я прервал его:

– Но ведь, наверное, не Сэнди платил тебе за то, что ты не придешь первым?

– Нет. Не думаю... Не знаю, – захныкал Джо.

– Ты хочешь сказать, что даже не знаешь, кто тебе платил? Ни разу не пытался выяснить?

– Какой-то мужчина звонил мне по телефону и говорил, когда нужно придержать лошадь. А потом я получал по почте конверт с деньгами.

– Сколько раз ты это проделывал? – спросил я.

– Десять, – ответил Джо, – за последние полгода.

Я молча смотрел на него.

– Обычно это было просто. Эти дохляки все равно бы не прибежали первыми, даже если бы я помогал им.

– Сколько ты получал за это?

– Сотню. А два раза – по двести пятьдесят. – Джо болтал без удержу, и я верил ему. Это были большие деньги, и тот, кто готов был заплатить их, теперь, конечно, захочет жестоко отомстить Джо. Ведь он ослушался приказа и пришел первым. Но Сэнди? Я не мог этому поверить.

– Что сказал тебе Сэнди, когда ты выиграл тот заезд? – спросил я.

Джо все еще плакал.

– Он сказал, что ставил на лошадь, которую я обогнал, и что он со мной рассчитается, – сказал он.

Похоже было, что Сэнди выполнил свою угрозу.

– Ты не получил свой пакет с деньгами, я полагаю?

– Нет, – подтвердил Джо, шмыгая носом.

– Ты что же, не имеешь даже представления, откуда приходили деньги? – спросил я.

– На некоторых конвертах были лондонские штемпеля, – ответил Джо. – Я не обращал внимания.

Без сомнения, он был слишком занят содержимым конвертов, чтобы обращать внимание на остальное.

– Ну хорошо, – сказал я, – но теперь-то, когда Сэнди отомстил тебе, ты в безопасности. Может быть, ты перестанешь реветь? Чего ты раскис?

Вместо ответа Джо вытащил из кармана куртки бумагу и протянул ее мне.

– Раз уж на то пошло, я тебе все выложу. Я не знаю, что делать. Помогите мне, Алан. Я боюсь.

В свете приборного щитка я видел, что Джо действительно перепуган. Он стал понемногу трезветь.

Я развернул листок. Обычная писчая бумага. Печатными буквами на ней было написано шариковой ручкой пять слов: «БОЛИНГБРОК. ТЫ БУДЕШЬ КРЕПКО НАКАЗАН».

– Болингброк – это лошадь, которую ты должен был придержать, да?

– Да. – Он больше не плакал.

– Когда ты это получил? – спросил я.

– Я нашел это сегодня в кармане куртки, когда переодевался перед пятой скачкой. Когда я снимал куртку, этой бумажки там не было.

– И все послеобеденное время ты провел в баре, трясясь от страха? – спросил я.

– Да... Я вернулся туда, когда ты повез мистера Тюдора в Брайтон. Я и не думал, что со мной что-то случится из-за Болингброка, хотя все время боялся, с тех пор как он при-

шел первым. И как раз когда я подумал, что все в порядке, Сэнди перебросил меня через канат, а потом я нашел у себя в кармане это письмо. Скверно. – В его ноющем голосе опять зазвучала жалость к самому себе.

Я вернул ему бумажку.

– Что теперь делать? – спросил Джо.

Я не знал, что ему сказать. Он здорово запутался, и ему было чего бояться. Люди, которые в таких масштабах ворочают деньгами на скачках, конечно, ведут жестокую игру. «Промежуток в десять дней между победой Болингброка и этой запиской мог означать, – подумал я, – что игра ведется не напрямую». Но это было слабым утешением для Джо.

Он шмыгал носом и время от времени икал, но плакать перестал. Самая тяжелая стадия опьянения у него прошла. Я включил фары и выехал на дорогу. Джо вскоре заснул и громко захрапел.

У Доркинга я разбудил его. У меня было к нему несколько вопросов.

– Джо, кто он, этот мистер Тюдор, которого я отвез в Брайтон? Он тебя знает.

– Это владелец Болингброка. Я часто езжу на его лошадях. Я был удивлен.

– Он был доволен, когда Болингброк победил? – спросил я.

– Думаю, да. Его тогда не было. Хотя потом он прислал мне десять процентов призовых и письмо с благодарностью.

Обычное дело.

– Он недавно занимается скачками, верно? – продолжал я допрос.

– Свалился к нам на голову одновременно с тобой, – сказал Джо, возвращаясь к своему развязному тону. – Оба вы появились черные от загара в середине зимы.

Я прилетел на самолете из африканского пекла в ледяные объятия английского октября, но через восемнадцать месяцев моя кожа стала бледной, как у любого англичанина. Между тем Тюдор оставался загорелым.

Джо захихикал.

– Ты знаешь, почему мистер Клиффорд – этот сволочной Тюдор – живет в Брайтоне? Это дает ему возможность не объяснять всем и каждому, почему он ходит загорелым круглый год. Будто его просмолили, правда?

Я без всякого сожаления высадил Джо у остановки автобуса на Эпсом. Выложив мне свои заботы, он, казалось, немного воспрял духом, по крайней мере на настоящий момент.

Я повернул в Котсуолд. Сначала я думал о Сэнди Мейсоне. Я не понимал, откуда он мог узнать, что Джо собирается придержать Болингброка?

Но весь последний час моего путешествия я думал о Кэт.

Глава 6

Сцилла спала на софе, накрыв ноги пледом. Рядом с ней на низеньком столике стоял полный стакан. Я поднял его и понюхал. Коньяк. Обычно она пила джин и кампари, коньяк был только для черных дней.

Она открыла глаза:

– Алан! Как я рада, что ты вернулся. Который час?

– Половина десятого, – ответил я.

– Ты, наверно, умираешь с голоду, – сказала она, сбрасывая плед. – Почему ты не разбудил меня сразу? Обед давно готов.

– Я только что приехал, и Джоан уже хозяйничает на кухне, так что отдыхай, – успокоил я ее.

Мы спустились в столовую. Я сел на свое обычное место. Стул Билла стоял пустой. Я подумал, что надо будет отодвинуть его к стене.

Когда мы приступили к жаркому, Сцилла сказала, прервав долгое молчание:

– Приходили двое полицейских.

– Да? Это по поводу завтрашнего дознания?

– Нет, это насчет Билла. – Она отодвинула тарелку. – Они спрашивали меня, так же как ты, не было ли у мужа каких-нибудь неприятностей. Они полчаса задавали мне на все лады одни и те же вопросы. Один из них так прямо и сказал,

что, если я так любила мужа, как я говорю, и была с ним в таких великолепных отношениях, должна знать, не было ли у него осложнений в жизни. Довольно противные оба. – Она не глядела на меня. Взгляд ее был опущен в тарелку с наполовину съеденным, остывшим жарким, во всем ее поведении сквозила какая-то необычная неловкость.

– Могу себе представить, – сказал я, догадываясь, в чем дело. – Надо полагать, они просили объяснить, какие у тебя отношения со мной и почему я продолжаю жить в вашем доме?

Она подняла глаза с удивлением и видимым облегчением.

– Да. Я не знала, как тебе об этом сказать. Мне кажется, это так естественно, что ты здесь, но, по-видимому, я не сумела им это объяснить.

– Завтра я перееду отсюда, Сцилла, – заявил я. – Я больше не стану давать повод для сплетен. Если уж полиция додумалась до такого, представляю, что говорят в графстве. Я был легкомыслен и очень, очень прошу меня извинить. Я так же, как и ты, считал совершенно естественным, что остаюсь в доме Билла после его гибели.

– Ты ни за что не переедешь отсюда. Ради меня, – произнесла Сцилла с такой решимостью, которой я у нее даже не предполагал. – Ты мне нужен здесь. Если я не смогу говорить с тобой, мне останутся одни слезы. Особенно по вечерам. День проходит в заботах о детях и по хозяйству, я как-то держусь, но когда приходит ночь... – На ее внезапно осу-

нувшемся лице я прочел дикую, мучительную боль утраты, после которой минуло всего четыре дня. – Пусть говорят, что им вздумается, – пробормотала она сквозь подступающие слезы. – Мне нужно, чтобы ты был здесь. Пожалуйста, пожалуйста, не уезжай.

– Я останусь, Сцилла, не волнуйся. Я останусь до тех пор, пока буду тебе нужен. Но ты должна обещать, что скажешь мне, как только почувствуешь, что можешь обойтись без меня.

Она вытерла глаза и улыбнулась:

– То есть когда я начну заботиться о своей репутации? Обещаю.

В этот день я проехал почти триста миль, не считая того, что участвовал в двух скачках. Я устал. Мы рано разошлись по своим спальням. Сцилла обещала принять снотворное.

Но в два часа ночи она открыла дверь моей спальни. Я сразу проснулся. Она подошла, зажгла лампу на ночном столике и села на мою постель.

Она выглядела до смешного юной и беспомощной. На ней была бледно-голубая ночная рубашка до колен, из прозрачного шифона, сквозь который просвечивали ее худенькое тело и маленькие круглые груди.

Я приподнялся на локте и провел рукой по голове, приглаживая волосы.

– Не могу заснуть, – пожаловалась она.

– Ты приняла пилюли?..

Я мог бы сам ответить на этот вопрос. Ее глаза были затуманены, и если бы она находилась в ясном сознании, она ни за что не пришла бы ко мне в комнату в таком виде.

– Пилюли я приняла. Я от них стала как пьяная, но все равно не сплю. Я приняла еще одну, лишнюю... – Ее голос был невнятным и сонным. – Поговори со мной, – сказала она, – может быть, я захочу спать. Когда я совсем одна, я лежу и думаю о Билле... Расскажи мне о Пламптоне. Ты говорил, что скакал на какой-то другой лошади... Расскажи, пожалуйста.

Тогда я сел в постели, набросил ей на плечи покрывало и стал рассказывать о подарке, который получила Кэт ко дню рождения от дяди Джорджа. А сам в это время думал о том, как часто я рассказывал Полли, Генри и Уильяму вечерние сказки. Но через некоторое время я заметил, что Сцилла не слушает меня и медленные, тяжелые слезы падают ей на руки.

– Наверное, ты думаешь, какая я непроходимая дура, что столько плачу, – всхлипнула она. – Но я ничего не могу с собой поделать.

Она бессильно легла рядом со мной, положив голову на мою подушку. Я взглянул на ее красивое, милое лицо, на слезы, которые струились по ее щекам и скрывались в пушистых темных волосах, и тихонько поцеловал ее в лоб. Тело Сциллы два раза вздрогнуло от тяжелых рыданий. Я лег и подложил руку ей под голову. Она повернулась ко мне, прижалась,

отчаянно обняла меня, всхлипывая в своем страшном, глубоком горе.

Наконец снотворное подействовало. Ее тело расслабилось, дыхание стало неслышным, ее рука ослабла на моей спине. Она лежала поверх одеяла, а февральская ночь была холодная. Свободной рукой я осторожно вытащил из-под нее одеяло и накинул на нее, потом закутал ей плечи покрывалом. Я выключил свет и лежал в темноте, тихонько баюкая ее, пока она не заснула крепким сном.

Я улыбнулся, подумав, какое лицо было бы у инспектора Лоджа, если бы он увидел нас в эту минуту. И я подумал еще, что не удовлетворился бы ролью товарища, если бы в моих объятиях оказалась не Сцилла, а Кэт.

В течение ночи Сцилла несколько раз принималась беспокойно двигаться, бормоча какую-то бессмыслицу и успокаиваясь каждый раз, когда я поглаживал рукой ее волосы. Ближе к утру она совсем затихла. Я встал, завернул ее в покрывало и отнес в ее собственную постель. Я знал, что если она проснется у меня, то будет смущена и расстроена. А это ей было совсем ни к чему.

Когда я оставил ее, она все еще крепко спала.

Через несколько часов, после завтрака наспех, я отвез ее в Мейденхед. Она почти все время дремала, откинувшись на сиденье, и ни разу не заговорила о том, что произошло ночью. Я даже не был уверен, что она вообще помнила об

ЭТОМ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.